

БОЛЬШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

для
1-4
КЛАССОВ

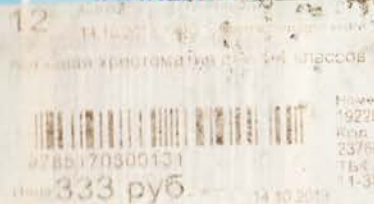

«МАЛЫШ»

Думаешь, читать книги
по школьной программе скучно и трудно?
Эта замечательная хрестоматия
поможет тебе найти все сказки,
рассказы и стихи, заданные учителем,
а ещё узнать и полюбить лесных жителей
из рассказов Виталия Бианки,
хитрого и находчивого барона Мюнхгаузена
из книги известного
немецкого писателя Р.Э. Распэ,
весёлого Братца Кролика,
придуманного Дж. Харрисом,
и многих-многих других
интересных персонажей.

www.ast.ru

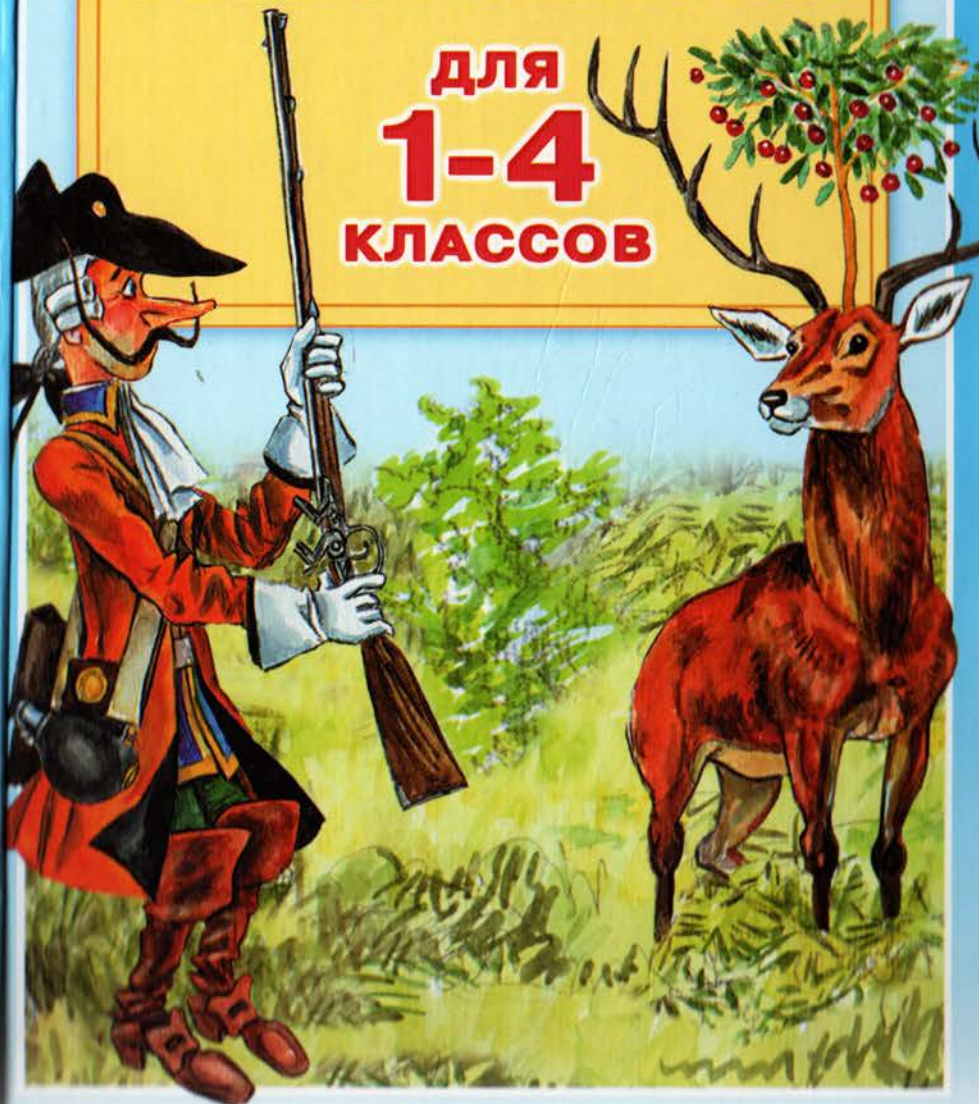
БОЛЬШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

для 1-4
КЛАССОВ

БОЛЬШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

для
1-4
КЛАССОВ

БОЛЬШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

для
1-4
КЛАССОВ

«МАЛЫШ»

УДК 373:82
ББК 83.3я721
Б79

БОЛЬШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ
для 1—4 классов
Произведения школьной программы

Большая хрестоматия для 1—4 классов. — Москва:
Б79 АСТ, 2013. — 270, [2] с.: ил.

ISBN 978-5-17-080013-1

Настоящая хрестоматия составлена с учётом произведений, входящих в программу обязательного и внеклассного чтения начальной школы. Это русские народные сказки, басни, произведения А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, М. Пришвина, К. Паустовского, С. Маршака, Х. К. Андерсена, Р. Э. Распэ.

Книга предназначена для младшего школьного возраста.

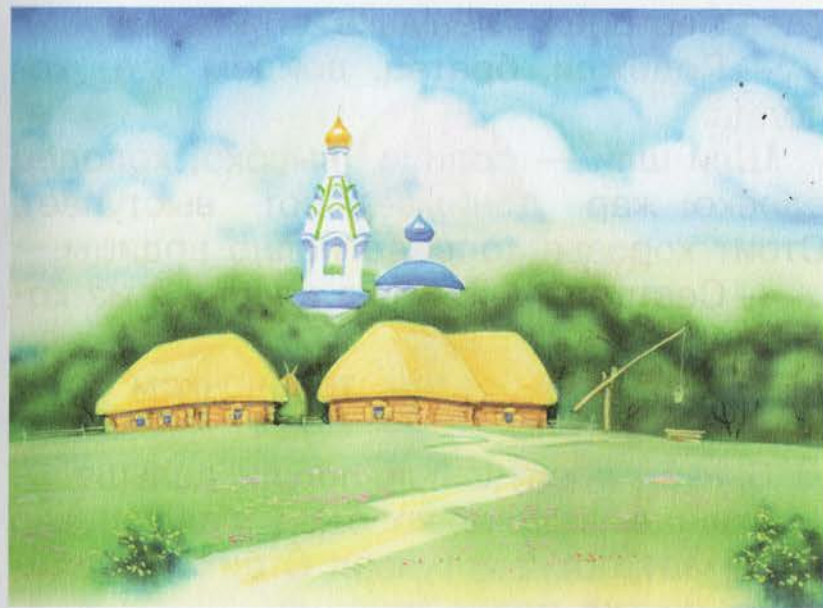
УДК 373:82
ББК 83.3я721

© Все права на произведения, включённые в сборник, принадлежат авторам или их наследникам. Текст, 2013
© Ил., Аземша А.Н., Бордюг С.И. и Трепенко Н.А., Запесочная Е.А., Зеброва Т.А., Кострина И.Д., Кравец Ю.Н. и Кравец Г.Н., Майофис М.С., Митрофанов М.С., Мотин Е.Г., насл., Николаев Ю.Ф., Остров С.А., Перцов В.В., Савченко А.М., насл., Сазонов А.П., насл., Шевченко А.А., Цыганков И.А., 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2013

6+

1 КЛАСС

СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Русская народная сказка

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинёшеньки. Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли-шли — солнце высоко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, телёночком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребёночком станешь!

Вздыхнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут — солнце высоко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козлёночком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козлёночком...

Зовёт Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козлёночек.

Залилась Алёнушка слезами, села под стожок — плачет, а козлёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чём, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алёнушка про свою беду.

Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в злато-серебро, и козлёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козлёночек с ними живёт, ест-пьёт с Алёнушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под

Алёнушкино окошко и так-то ласково начала звать её купаться на реку.

Привела ведьма Алёнушку на реку. Кинулась на неё, привязала Алёнушке на шею камень и бросила её в воду.

А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в её платье и пришла в её хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козлёночку всё было ведомо. Повесил он голову, не пьёт, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовёт:

— Алёнушка, сестрица моя!..

Выплывь, выплывь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь да зарежь козлёнка...

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрашивает, — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козлёночек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, воды испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобнѐхонько закричал:

— Алёнушка, сестрица моя!
Выплывь, выплывь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Алёнушка из реки ему отвечает:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шёлкова трава ноги спутала,
Жёлты пески на груди легли.

А ведьма ищет козлёночка, не может
найти и посылает слугу:

— Пойди найди козлёнка, приведи его
ко мне.

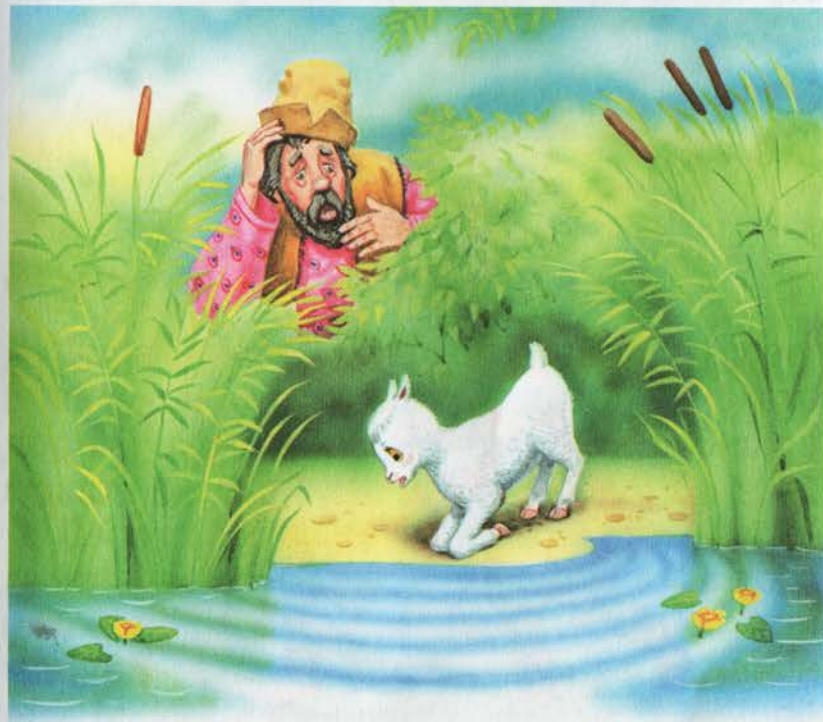
Пошёл слуга на реку и видит: по бе-
регу бегают козлёночек и жалобнёхонько
зовёт:

— Алёнушка, сестрица моя!
Выплывь, выплывь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шёлкова трава ноги спутала,
Жёлты пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал
купцу про то, что слышал на речке. Со-
брали народ, пошли на реку, закинули

сети шёлковые и вытащили Алёнушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули её в ключевую воду, одели её в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

Л. Н. Толстой
ТРИ МЕДВЕДЯ

Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику.

Дверь была отворена: она посмотрела в дверь, видит — в домике никого нет, и вошла. В домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михайло Иванович. Он был большой

и лохматый. Другой была медведица. Она была поменьше, и звали её Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок, и звали его Мишутка. Медведей не было дома, они ушли гулять по лесу.

В домике было две комнаты: одна столовая, другая спальня. Девочка вошла в столовую и увидела на столе три чашки с похлёбкой. Первая чашка, очень боль-

шая, была Михайлы Ивановичева. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина; третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подле каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки; потом взяла маленькую ложечку и похлебала из синенькой чашечки; и Мишуткина похлёбка ей показалась лучше всех.

Девочка захотела сесть и видит у стола три стула: один большой — Михайлы Ивановичева, другой поменьше — Настасьи Петровнин, и третий, маленький, с синенькой подушечкой — Мишуткин. Она полезла на большой стул и упала; потом села на средний стул, на нём было неловко; потом села на маленький стульчик и засмеялась, так было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колени и стала есть. Поела всю похлёбку и стала качаться на стуле.

Стульчик проломился, и она упала на пол. Она встала, подняла стульчик и по-

шла в другую горницу. Там стояли три кровати: одна, большая — Михайлы Ивановича, другая, средняя — Настасьи Петровны, а третья, маленькая — Мишенькина. Девочка легла в большую, ей было слишком просторно; легла в среднюю — было слишком высоко; легла в маленькую — кровать пришлась ей как раз впору, и она заснула.

А медведи пришли домой голодные и захотели обедать. Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ?

Настасья Петровна посмотрела в свою чашку и зарычала не так громко:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ?

А Мишутка увидал свою пустую чашечку и запищал тонким голосом:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ И ВСЁ ВЫХЛЕБАЛ?

Михайло Иванович взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом:

— КТО СИДЕЛ НА МОЁМ СТУЛЕ И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА?

Настасья Петровна взглянула на свой стул и зарычала не так громко:

— КТО СИДЕЛ НА МОЁМ СТУЛЕ И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА?

Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал:

— КТО СИДЕЛ НА МОЁМ СТУЛЕ И СЛОМАЛ ЕГО?

Медведи пришли в другую горницу.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЁ? — заревел Михайло Иванович страшным голосом.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЁ? — зарычала Настасья Петровна не так громко.

А Мишенька подставил скамеечку, полез в свою кроватку и запищал тонким голосом:

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ?

И вдруг он увидел девочку и завизжал так, как будто его режут:

— Вот она! Держи, держи! Вот она! Вот она! Ай-я-яй! Держи!

Он хотел её укусить. Девочка открыла глаза, увидела медведей и бросилась к окну. Окно было открыто, она выскочила в окно и убежала. И медведи не догнали её.

В. Бианки
КТО ЧЕМ ПОЁТ

Слышишь, какая музыка гремит в лесу?

Слушая её, можно подумать, что все звери, птицы и насекомые родились на свете певцами и музыкантами.

Может быть, так оно и есть: музыку ведь все любят, и петь всем хочется. Только не у каждого голос есть.

Вот послушай, чем и как поют безголосые.

Лягушки на озере начали ещё с ночи.
Надули пузыри за ушами, высунули
головы из воды, рты приоткрыли.

— Ква-а-а-а! — одним духом пошёл из
них воздух.

Услыхал их Аист из деревни, обрадо-
вался:

«Целый хор! Будет мне чем поживить-
ся!»

И полетел на озеро завтракать.

Прилетел и сел на берегу. Сел и ду-
мает:

«Неужели я хуже лягушек? Поют же
они без голоса. Дай-ка и я попробую».

Поднял длинный клюв, застучал, затре-
щал одной его половинкой о другую, то
тише, то громче, то реже, то чаще: тре-
щотка трещит деревянная, да и только!
Так разошёлся, что и про завтрак свой
забыл.

А в камышах стояла Выпь на одной ноге, слушала и думала:

«Безголосая я цапля! Да ведь и Аист — не певчая птичка, а вон какую песню наигрывает».

И придумала:

«Дай-ка на воде сыграю!»

Сунула в озеро клюв, набрала полный воды да как дунет в клюв! Пошёл по озеру громкий гул:

«Прумб-бу-бу-бумм!..» — словно бык проревел.

«Вот так песня! — подумал Дятел, услышав Выпь из лесу. — Инструмент-то и у меня найдётся: чем дерево не барабан, а нос мой чем не палочка?»

Задом упёрся, передом откинулся, размахнулся головой — как задолбит носом по суку! Точь-в-точь — барабанная дробь!

Вылез из-под коры Жук с предлинными усами.

Закрутил, закрутил головой, заскрипела его жёсткая шея — тоненький-тоненький писк послышался.

Пищит усач, а всё напрасно: никто его писка не слышит.

Шею натрудил, зато сам своей песней доволен.

А внизу под деревом из гнезда вылез Шмель и полетел петь на лужок.

Вокруг цветка на лужку кружит, жужжит жилковатыми жёсткими крылышками, словно струна гудит.

Разбудила шмелиная песня зелёную Саранчу в траве.

Стала Саранча скрипочки налаживать. Скрипочки у неё на крылышках, а вместо смычков — длинные задние ножки коленками назад. На крыльях — зазубринки, а на лапках — зацепочки.

Трёт себе Саранча ножками по бокам, зазубринками за зацепочки задевает — стрекочет.

Саранчи на лугу много: целый струнный оркестр.

«Эх, — думает Долгоносый Бекас под кочкой, — надо и мне спеть! Только вот чем? Горло у меня не годится, нос не годится, шея не годится, крылышки не годятся, лапки не годятся... Эх! Была не была — полечу, не смолчу, чем-нибудь да закричу!»

Выскочил из-под кочки, залетел под самые облака. Хвост раскрыл веером, выпрямил крылышки, повернулся носом к земле, понёсся вниз, переворачиваясь

с боку на бок, как брошенная с высоты дощечка. Головой воздух рассекает, а в хвосте у него тонкие, узкие пёрышки ветер перебирает.

И слышно с земли, будто в вышине барашек запел, заблеял.

А это Бекас.

Отгадай, чем он поёт?

Хвостом!

ХИТРЫЙ ЛИС И УМНАЯ УТОЧКА

Осень. Хитрый Лис думает:

«Утки в отлёт собрались. Дай-ка схожу на речку — утятинкой раздобудусь».

Подкрался из-за куста, видит: правда, целая стая уток у берега. Одна Уточка стоит под самым кустом, лапкой перья в крыле перебирает.

Лис хватить её за крыло!

Со всех силёнок рванулась Уточка. Оставила перья у Лиса в зубах.

«Ах ты! — Лис думает. — Вырвалась как...»

Стая всполошилась, поднялась на крыло и улетела.

А эта Уточка осталась: крыло у неё сломано, перья вырваны. Она спряталась в камышах, подальше от берега.

Ушёл Лис ни с чем.

* * *

Зима. Хитрый Лис думает:

«Замёрзло озеро. Теперь Уточка моя, никуда от меня не денется: по снегу

куда ни пойдёт, — наследит, — по следу её и найду».

Пришёл на речку, — верно: лапки с перепонками наследили на снегу у берега. А сама Уточка под тем же кустом сидит, распушилась вся.

Тут ключ из-под земли бьёт, не даёт льду намёрзнуть, — тёплая полынья, и пар от неё идёт.

Кинулся Лис на Уточку, а Уточка — нырк от него! — И ушла под лёд.

«Ах ты!.. — Лис думает. — Утопилась ведь...»

Ушёл ни с чем.

* * *

Весна. Хитрый Лис думает:

«Таёт лёд на речке. Пойду мёрзлой утятинкой полакомлюсь».

Пришёл, а Уточка плавает под кустом, — жива, здоровёхонька!

Она тогда нырнула под лёд и выскочила в полынья — под другим берегом: там тоже ключ был.

Так всю зиму и прожила.

«Ах ты!.. — Лис думает. — Стой же, сейчас за тобой в воду кинусь...»

— Зря, зря, зря! — закричала Уточка.

Порх с воды — и улетела.

За зиму-то у неё крыло зажило и новые пёрышки отросли.

Н. Сладков
**КАК МЕДВЕДЬ
 САМ СЕБЯ НАПУГАЛ**

Вошёл в тёмный лес медведь — хрустнула под тяжёлой лапой валежина. Испугалась белка на ёлке — выронила из лапок шишку.

Упала шишка — угодила зайцу в лоб.

Сорвался заяц с лёжки — помчался в гущину.

На тетеревиный выводок наскочил — переполошил всех до смерти.

Сойку из-под кустов выпугнул. Сороке на глаза попался — та крик подняла на весь лес.

У лосей уши чуткие, слышат: сорока стрекочет! Не иначе — охотников видит.

Пошли лоси по лесу кусты ломать!

Журавлей на болоте вспугнули — те закурлыкали. Кроншнепы закружили, зашвистели уныло.

Остановился медведь, насторожил уши.

Недоброе творится в лесу: белка стрекочет, сорока и сойка трещат, лоси кусты

ломают, болотные птицы кричат тревожно. И позади кто-то топочет!

Не уйти ли подобру-поздорову?

Рявкнул медведь, уши прижал да как даст стрекача!

Эх, знать бы ему, что позади-то заяц топотал, тот самый, которому белка шишкой в лоб угодила.

Так сам себя медведь напугал, сам себя из тёмного леса выгнал. Одни следы на грязи остались.

ТРОЕ НА ОДНОМ БРЕВНЕ

Вышла речка из берегов, разлилась вода морем. Застряли на островке Лисица и Заяц. Мечется Заяц по островку, приговаривает:

— Впереди вода, позади Лиса — вот положение!

А Лиса Заяцу кричит:

— Сигай, Заяц, ко мне на бревно — не тонуть же тебе!

Островок под воду уходит. Прыгнул Заяц к Лисе на бревно — поплыли вдвоём по реке.

Увидела их Сорока и стрекотнула:

— Интересненько, интересненько... Лиса и Заяц на одном бревне — что-то из этого выйдет!

Плывут Лиса и Заяц. Сорока с дерева на дерево по берегу перелетает.

Вот Заяц и говорит:

— Помню, до наводнения, когда я в лесу жил, страсть я любил ивовые ветки оглаживать! До того вкусные, до того сочные...

— А по мне, — вздыхает Лиса, — нет ничего слаще мышек-полёвок. Не пове-

ришь, Заяц, целиком их глотала, даже косточки не выплёвывала!

— Ага! — насторожилась Сорока. — Начинается!..

Подлетела к бревну, на сучок села и говорит:

— Нет на бревне вкусных мышек. Придётся тебе, Лиса, Зайца съесть!

Кинулась голодная Лисица на Зайца, но бревно окунулось краем — Лиса скорей на своё место. Закричала на Сороку сердито:

— Ох и вредная же ты птица! Ни в лесу, ни на воде от тебя нет покоя. Так и цепляешься, как репей на хвост!

А Сорока как ни в чём не бывало:

— Теперь, Заяц, твоя очередь нападать. Где это видано, чтобы Лиса с Зайцем ужились? Толкай её в воду, я помогу!

Зажмурил Заяц глаза, бросился на Лису, но качнулось бревно — Заяц назад скорей. И кричит на Сороку:

— Что за вредная птица! Погубить нас хочет. Нарочно друг на друга науськивает!

Плывёт бревно по реке, Заяц с Лисой на бревне думают...

К.Д. Ушинский
ГУСЬ И ЖУРАВЛЬ

Плавают гусь по пруду и громко разговаривает сам с собою: «Какая я, право, удивительная птица! И хожу-то я по земле, и плаваю-то по воде, и летаю по воздуху: нет другой такой птицы на свете! Я всем птицам царь!»

Послушал гуся журавль и говорит ему: «Прямой ты гусь, глупая птица! Ну, можешь ли ты плавать, как щука, бегать, как олень, или летать, как орёл? Лучше знать что-нибудь одно, да хорошо, чем всё, да плохо».

ЛАСТОЧКА

Ласточка-касаточка покою не знала, день-деньской летала, соломку таскала, глиной лепила, гнёздышко вила. Свила

себе гнёздышко: яички носила. Нанесла яичек: с яичек не сходит, деток поджидает. Высидела детушек: детки пищат, кушать хотят. Ласточка-касаточка день-деньской летает, покою не знает: ловит мошек, кормит крошек.

Придёт пора неминуемая, детки оперятся, все врозь разлетятся, за синие моря, за тёмные леса, за высокие горы. Ласточка-касаточка не знает покою: день-деньской всё рыщет — малых деток ищет.

ДЯТЕЛ

Тук-тук-тук! В глухом лесу, на сосне, чёрный дятел плотничает. Лапками цепляется, хвостиком упирается, носом постукивает, мурашей да козявок из-за коры выпугивает; кругом ствола обежит, никого не проглядит. Испугались мураши: «Эти-де порядки не хороши!» Со страху корячутся, за корою прячутся — не хотят вон идти. Тук-тук-тук! Чёрный дятел стучит носом, кору долбит, длинный язык в дыры запускает, мурашей, словно рыбку, таскает.

ОРЁЛ

Орёл сизокрылый всем птицам царь. Вьёт он гнёзда на скалах да на старых дубах; летает высоко, видит далеко, на солнце, не мигаючи, смотрит.

Нос у орла серпом, когти крючком; крылья длинные; грудь — навывкат — молодёцкая.

В облаках орёл носится: добычу сверху высматривает. Налетит он на утку

шилохвостую, на гуся краснолапого, на кукушку-обманщицу, — только пёрышки посыплутся.

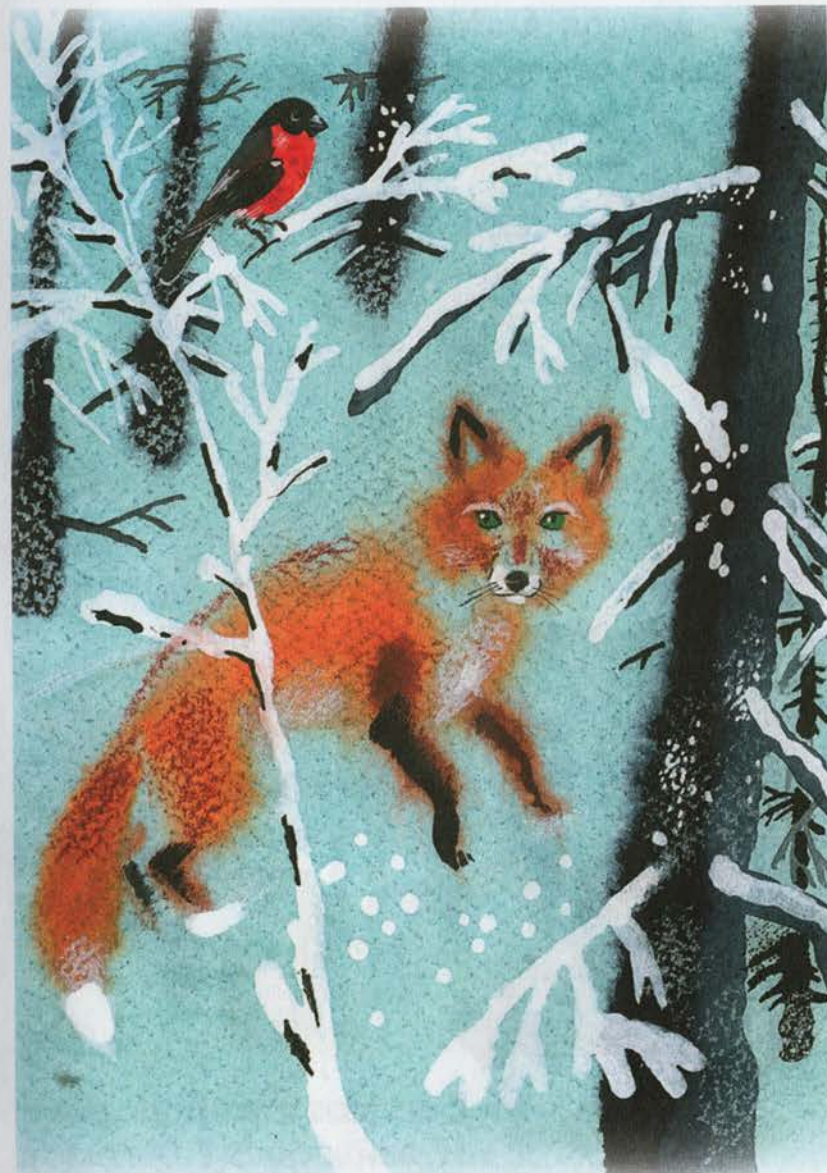
ЛИСА ПАТРИКЕЕВНА

У кумушки-лисы зубушки остры, рыльце тоненькое; ушки на макушке, хвостик на отлёте, шубка тёпленькая. Хорошо кума принаряжена: шерсть пушистая, золотистая; на груди жилет, а на шее белый галстучек.

Ходит лиса тихонько, к земле пригинается, будто кланяется; свой пушистый хвост носит бережно; смотрит ласково, улыбается, зубки белые показывает.

Роет норы, умница, глубокие; много входов в них и выходов, кладовые есть, есть и спаленки; мягкой травушкой полы выстланы.

Всем бы лисонька хороша была, хозяйюшка, да разбойница-лиса постница: любит курочек, любит уточек, свернёт шею гусю жирному, не помилует и кролика.

С. Маршак
ПРО ВСЁ НА СВЕТЕ
Азбука в стихах и картинках

Аист с нами прожил лето,
А зимой гостил он где-то.

Бегемот разинул рот:
Булки просит бегемот.

Воробей просил ворону
Вызвать волка к телефону.

Гриб растёт среди дорожки, —
Голова на тонкой ножке.

Дятел жил в дупле пустом,
Дуб долбил, как долотом.

Ель на ёжика похожа:
Ёж в иголках, ёлка — тоже.

Жук упал и встать не может.
Ждёт он, кто ему поможет.

Звёзды видели мы днём
За рекою, над Кремлём...

З

Иней лёг на ветви ели,
Иглы за ночь побелели.

К

Кот ловил мышей и крыс.
Кролик лист капустный грыз.

Л

Лодки по морю плывут,
Люди веслами гребут.

М

Мёд в лесу медведь нашёл, —
Мало мёду, много пчёл.

Н

Носорог бодает рогом.
Не шутите с носорогом!

Ослик был сегодня зол:
Он узнал, что он осёл.

О

П

Панцирь носит черепаха,
Прячет голову от страха.

Роет землю серый крот —
Разоряет огород.

Р

Спит спокойно старый слон —
Стоя спать умеет он.

Таракан живёт за печкой, —
То-то тёплое местечко!

Ученик учил уроки —
У него в чернилах щёки.

Флот плывёт к родной земле.
Флаг на каждом корабле.

Ходит по лесу хорёк,
Хищный маленький зверёк.

Цапля, важная, носатая,
Целый день стоит, как статуя.

Ч

Часовщик, прищулив глаз,
Чинит часики для нас.

Ш

Школьник, школьник, ты силач:
Шар земной несёшь, как мяч!

Щёткой чищу я щенка,
Щекочу ему бока.

Щ

Э

Эта кнопка и шнурок —
Электрический звонок.

Ю

Юнга — будущий матрос —
Южных рыбок нам привёз.

Ягод нет кислее клюквы.
Я на память знаю буквы.

ВЕСЁЛЫЙ СЧЁТ

От одного до десяти

1

Вот один иль единица,
Очень тонкая, как спица,

А вот это цифра два.
Полюбуйся, какова:

Выгибает двойка шею,
Волочится хвост за нею.

2

3

А за двойкой — посмотри —
Выступает цифра три.

Тройка — третий из значков —
Состоит из двух крючков.

За тремя идут четыре,
Острый локоть оттопыря.

4

5

А потом пошла плясать
По бумаге цифра пять.

Руку вправо протянула,
Ножку круто изогнула.

Цифра шесть — дверной замочек:
Сверху крюк, внизу кружочек.

6

7

Вот семёрка — кочерга.
У неё одна нога.

У восьмёрки два кольца
Без начала и конца.

8

9

Цифра девять иль девятка, —
Цирковая акробатка:

Если на́ голову встанет,
Цифрой шесть девятка станет.

Цифра вроде буквы О —
Это ноль иль ничего.

Круглый ноль такой хорошенький,
Но не значит ничегошеньки!

Если ж слева, рядом с ним
Единицу примостим,
Он побольше станет весить,
Потому что это — десять.

Эти цифры по порядку
Запиши в свою тетрадку...

10

ДВА КОТА

Жили-были два кота —
Восемь лапок, два хвоста.

Подрались
Между собой
Серые коты.
Поднялись
У них трубой
Серые хвосты.

Бились днём и ночью.
Прочь летели клочья,

И остались от котов
Только кончики хвостов.

2 КЛАСС

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Русская народная сказка

Жили муж и жена с дочкой Манечкой да сыном Ванечкой. Дочке уж десятый годок шёл, а сынку два года было. Собрались отец с матерью в город и наказывают Манечке:

— Из дома не уходи. С братом посиди. Гостинцев жди!

Манечка слушала их, головой кивала, а как ушли — посадила брата на травку

у дома и убежала играть. Лишь остался Ванечка один — прилетели гуси-лебеди, подхватили его на крылья и улетели к лесу.

Поиграла Манечка с подружками, вспомнила о Ванечке, побежала домой. Прибежала, — а Ванечки-то нет!

Испугалась девочка, расплакалась. Стала его звать, искать, но куда ни бежала — нет Ванечки!

Тут увидела летящих к лесу гусей и догадалась, что гуси Ванечку унесли.

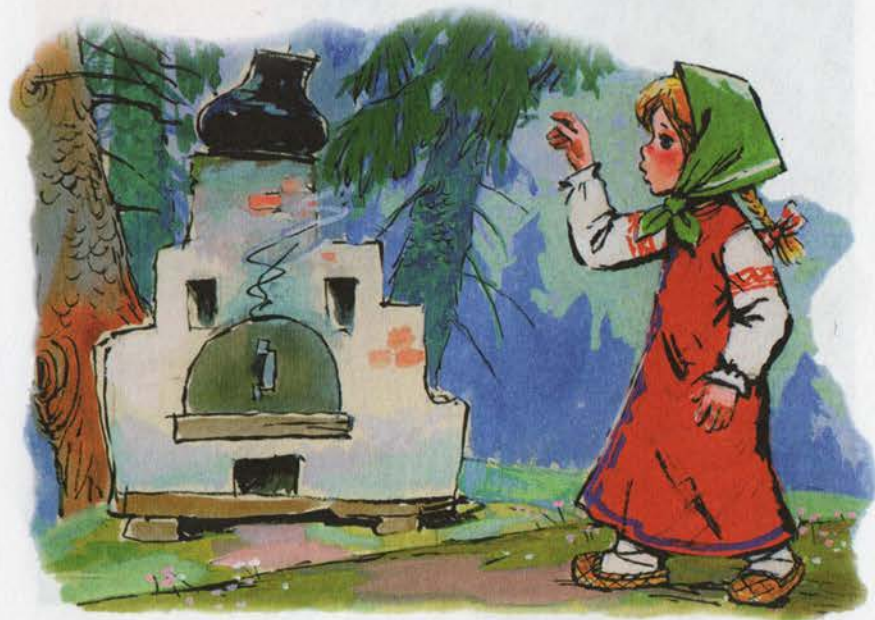
Бросилась девочка гусей догонять. Бежала, бежала... Но вскоре они скрылись из глаз. Куда теперь бежать?

Остановилась она, не знает, что и делать.

Видит Манечка — стоит печка, она к ней:

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Скушай, гостыюшка, моего ржаного пирожка, скажу.

А девочка ей в ответ:

— Стану я есть ржаной пирожок! Я дома пшеничные только с маслом ем! — сказала так и побежала дальше.

А куда бежать — не знает. Увидела, стоит яблоня.

Подбежала она скорее к яблоне, просит её:

— Яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Съешь моё лесное яблочко, не побрезгуй, скажу.

— Не буду я есть кислятину! Я дома садовые яблоки с мёдом ем! — ответила ей Манечка и скорее побежала дальше.

Бежит, бежит, торопится, а куда гуси-лебеди улетели — не знает.

Увидела тут она: течёт молочная речка, кисельные берега. Подбежала к молочной речке, спрашивает:

— Молочная речка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Съешь нашего киселика с молоком, тогда скажу.

— Не хочу! У батюшки с матушкой и сливочки не пьются!

Снова побежала Манечка. Бежит она, бежит, а где ей брата искать, так и не знает. А уж и спрашивать не у кого!

Вдруг увидела она: избушка на курьих ножках кругом себя поворачивается. Сказала тут Манечка:

— Избушка! Стань по-старому, как мать поставила!

Избушка повернулась. Маня вошла в неё и увидела: Ванечка сидит на лавке, яблочками наливными играет.

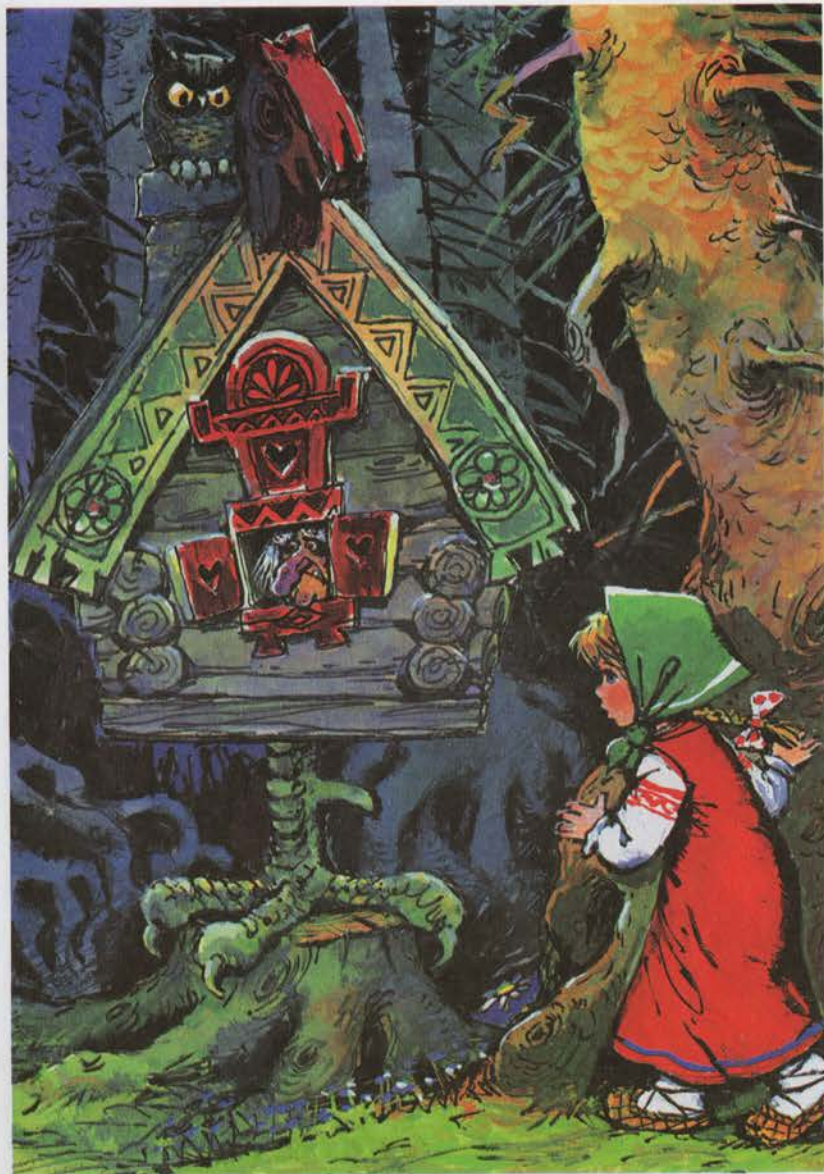
Вот куда принесли его гуси! К Бабе-Яге!

Увидел её и Ванечка. Манечка скорее приложила палец к губам, приказывая, чтобы он молчал, не выдал её. Рядом с ним сидит Баба-Яга, дремлет с прялкой в руках. А на плече у неё сова сидит — не спит, смотрит.

— Здравствуй, бабушка, — сказала Манечка.

Открыла Баба-Яга глаза и сердито глянула на девочку.

— Здравствуй, незваная гостья! Зачем пришла?

— Заблудилась я. Ходила, ходила, уж ноги не держат и есть хочу. Позволь по-сидеть у тебя.

— Ну, так и быть, доешь мою кашу из горшка, да за это наряди мне пряжи, — сказала Баба-Яга и ушла вместе с со-вой.

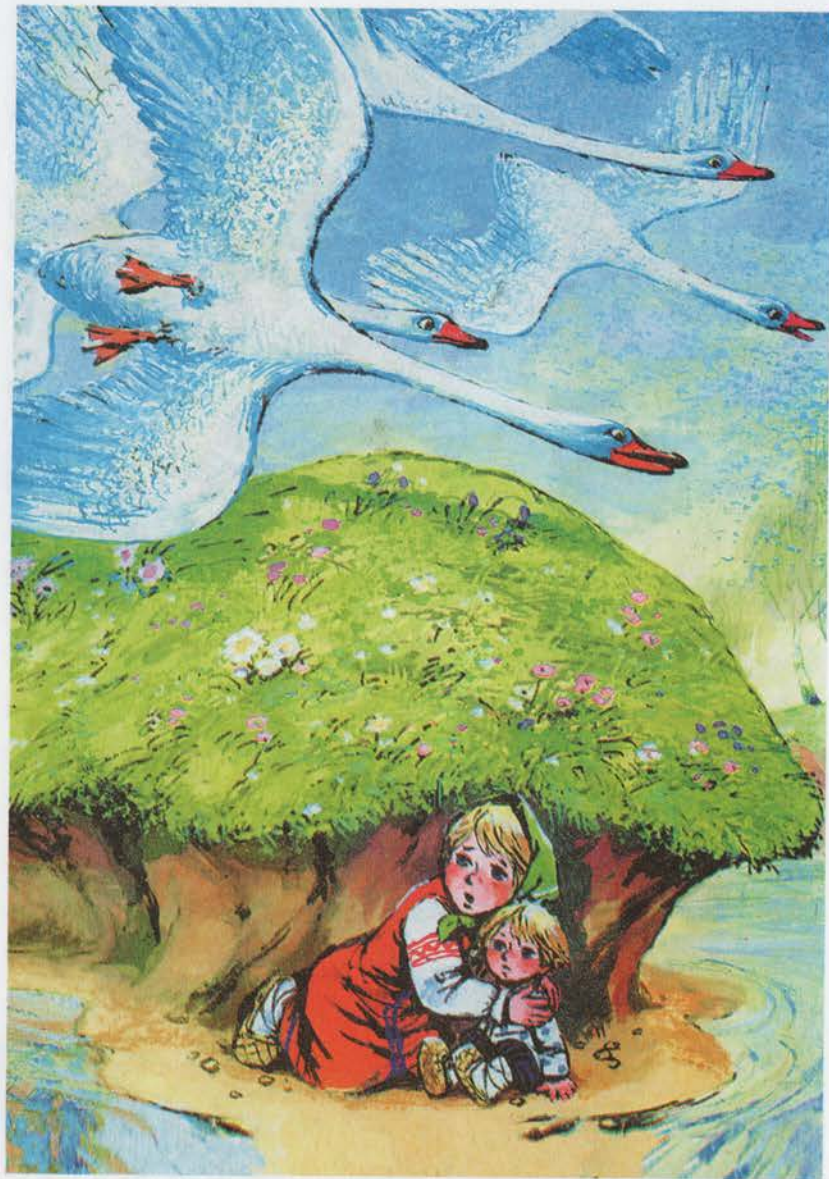
Вылезла тут из-под печи мышка и про-сит:

— Дёвица, дёвица, дай мне кашки хоть немножко.

На печи нашла Манечка и горшок с остатками каши, и ложку. Дала она мышке каши, а мышка и говорит:

— Беги отсюда и мальчишку уводи. Баба-Яга баню затопила. Помоеет тебя и съест! И его съест! Бегите скорей!

Убежала Манечка с братом. А Баба-Яга тут к оконцу подошла и спрашивает:

— Прядешь ли, девица?

— Пряду! Пряду! — ответила мышка, доедая кашку.

Как натопила Баба-Яга баню, пришла за девочкой, а избушка пуста. Закричала Баба-Яга:

— Летите, гуси-лебеди, в погоню! Девочка мальчишку увела! Догоните! Мальчишку принесите! Не то я вас!

Бежит Манечка с братом, слышит: гуси за ними летят! Испугалась. С братом на руках кинулась к молочной речке, просит её:

— Реченька, голубушка, спрячь, укрой нас!

— Поешь нашего киселя с молоком — спрячу!

Поела она киселя, молока попила. Бережком укрыла молочная речка Манечку с братом.

Не увидели их гуси. Полетали, искали, полетели дальше.

Побежала Манечка с Ванечкой. Слышит, опять летят гуси! К яблоне Манечка бросилась, просит её:

— Яблонька, укрой! Спаси нас!

— Съешь моё лесное яблочко — укрою!

Съела Манечка яблочко. Укрыла яблоня ветвями сестру с братом. Гуси над яблоней пролетели — не увидели их.

Выбежала девочка с братом из-под яблони, торопится.

Слышит: гуси возвращаются. Добежала она до печки.

— Печка, матушка, — просит девочка, — спрячь нас!

— Съешь мой ржаной пирожок да забирайся в печь.

Съела Манечка пирожок, влезла с братом в печь, затворилась заслоном. Слышит — гуси пролетели мимо. Вылезла девочка из печи, брата — на руки и бегом домой.

А гуси вернулись, нагонять стали. Вбежала девочка в дом, закрыла дверь. Гуси покружили над домом и улетели...

Тут и отец с матерью вернулись. Принесли детям пряников, а Манечке ещё и платочек на голову.

В.И. Даль
**ДЕВОЧКА-
СНЕГУРОЧКА**

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник посмотреть на чужих ребят, как они из снега комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек, да и говорит:

— А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала, да и говорит:

— Что ж будешь делать — нет, так и взять негде.

Однако старик принёс комочек снегу в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой и поставил на окошко. Взошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики — пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну — глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

— Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули её, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенечко, стал её нянчить и пестовать:

— Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растёт Снегурочка на радость старикам — да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Всё шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, при-

кинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

— Жученька, Жучок, беленькие ножки, шёлковый хвостик, пусти в хлевушок погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробегавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной

лисой и пустила её туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

— Иди, — говорит, — куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягодки. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть. Отпустили её старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так все про всё позабыли, разбежались по сторонам, ягодки берут да аукаются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод понабрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать — никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! Ау!»

Идёт медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

— О чём, девица, плачешь, о чём, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули.

— Слезай, — сказал медведь, — я тебя домой доведу!

— Нет, медведь, — отвечала девочка Снегурочка, — я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Медведь ушёл.

Бежит серый волк:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки

у дедушки, у бабушки в лес по ягоды,
а в лес завели, да и покинули!

— Слезай, я доведу тебя до дому! —
сказал волк.

— Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь
тебя — ты съешь меня!

Волк ушёл. Идёт Лиса Патрикеевна:

— Что, девица, плачешь, что, красная,
рыдаешь?

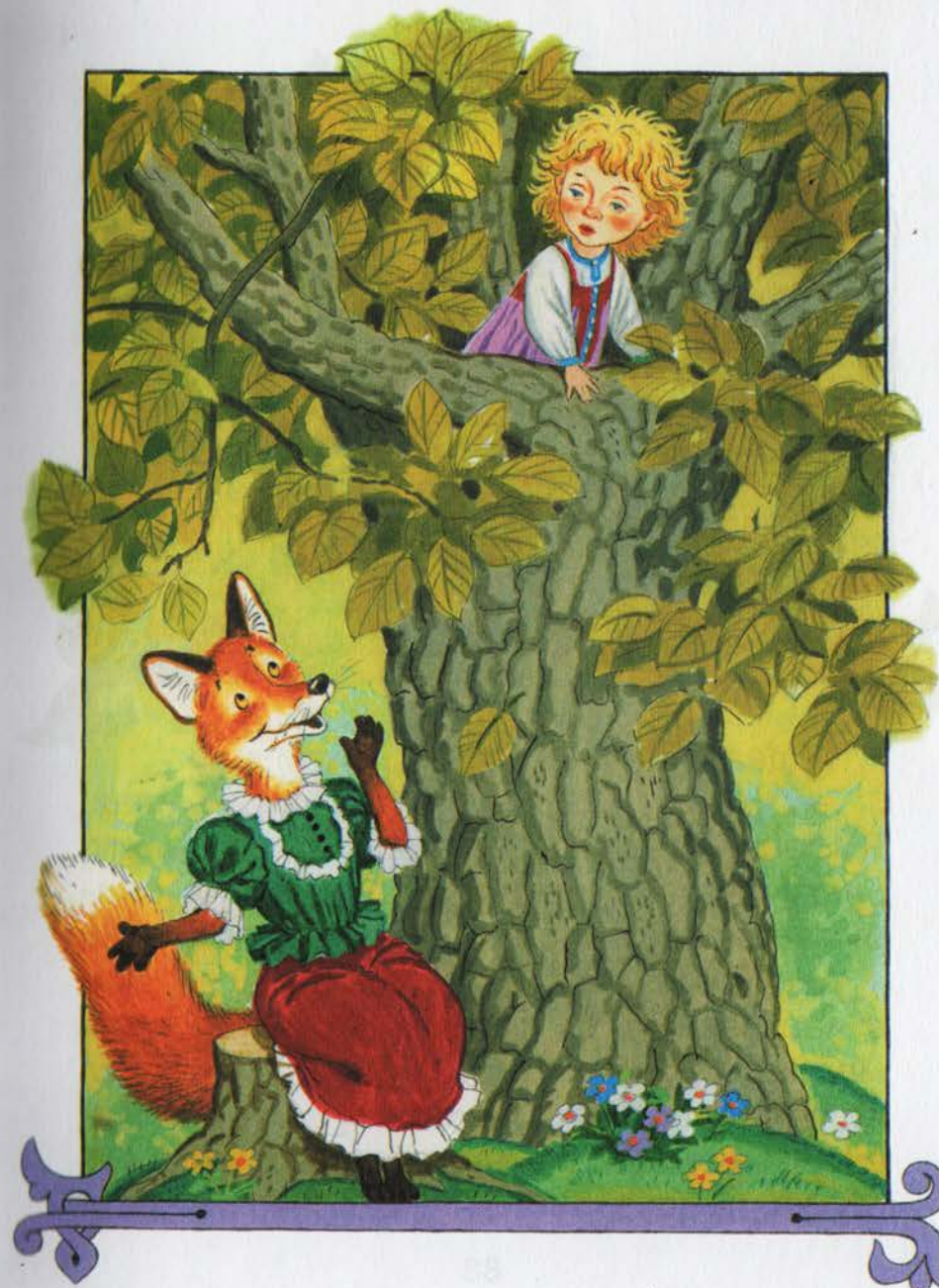
— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из веш-
него снегу скатана, вешним солнышком
подрумянена, выпросили меня подружки
у дедушки, у бабушки в лес по ягоды,
а в лес завели, да и покинули!

— Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горе-
мычная моя! Слезай скорёхонько, я тебя
до дому доведу!

— Нет, лиса, лъстивы слова, я боюсь
тебя — ты меня к волку заведёшь, ты
медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

Стала лиса вокруг дерева обхажи-
вать, на девочку Снегурочку поглядыва-
ть, с дерева её сманивать, а девочка
не идёт.

— Гам, гам, гам! — залаяла собака
в лесу.

А девочка Снегурочка закричала:

— Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь — девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, в лес завели, да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой, Жучка, пойду!

Вот как услышала лиса собачий лай, так махнула пушнякам своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, её лобызала, всё личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнём, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливается, все её боятся, никто не приступается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

— Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место поставили, стеречь двор заставили.

Шарль Перро

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

В одной деревне жила добрая ласковая девочка. Мать и бабушка её очень любили. Да и каждый, кто встречал девочку, улыбался, увидев её приветливое, хорошенькое личико. Ко дню рождения бабушка подарила ей такую нарядную и удобную красную шапочку, что девочка не расставалась с ней даже дома. Все так и стали её называть — Красная Шапочка.

Однажды мама напекла пирожков и сказала:

— Сходи, доченька, проведай бабушку, отнеси ей пирожков и горшочек масла. Да узнай, здорова ли она?

Красная Шапочка сразу же пустилась в путь.

Бабушка жила в соседней деревушке за лесом.

Пошла Красная Шапочка по знакомой лесной тропинке и встретила Волка. Три дня он ничего не ел и был очень голоден.

Захотел Волк съесть девочку, да услышал, что рядом стучат топоры дровосеков, и побоялся.

— Куда ты идёшь? — спросил Волк девочку.

Приветливо улыбаясь, Красная Шапочка ответила:

— Я иду к бабушке. Несу ей пирожки и горшочек масла.

Красная Шапочка не знала, как опасно разговаривать в лесу с незнакомцами.

— А где живёт твоя бабушка? — спросил Волк.

— Домик бабушки сразу за мельницей, — ответила Красная Шапочка.

— Собрала бы ты для бабушки хороший букет цветов. То-то она обрадуется! — сказал Волк.

Пока девочка рвала цветы и складывала их в букет, Волк добежал до домика бабушки и постучал: тук! тук! тук!

— Кто там? — спросила бабушка.

Ей нездоровилось, и она лежала в постели.

Тихим тоненьким голоском Волк ответил:

— Это я, ваша внучка. Принесла вам пирожки и горшочек масла.

— Дёрни за верёвочку — дверь и откроется! — крикнула бабушка.

Волк так и сделал.

Дверь открылась.

Волк тут же набросился на бабушку и проглотил её.

Потом он натянул на себя бабушкин халат, надел бабушкин чепец и улёгся в постель, поджидая Красную Шапочку.

Вскоре Красная Шапочка постучала в дверь: тук! тук! тук!

— Кто там? — хриплым голосом спросил Волк.

Красная Шапочка испугалась было, но подумала, что у бабушки болит горло, и сказала:

— Это я, ваша внучка. Принесла вам пирожки и горшочек масла.

— Дёрни за верёвочку — дверь и откроется.

Красная Шапочка открыла дверь и вошла в дом.

Волк сказал ей:

— Положи всё на стол и приляг ко мне. Ты, наверное, устала.

Девочка подошла к кровати и очень удивилась:

— Бабушка, какие у вас большие руки!

— Это для того, чтобы крепче тебя обнимать, внученька!

— Бабушка, почему у вас такие большие уши?

— Это чтобы лучше тебя слышать, дитя моё!

— Бабушка, почему у вас такие большие глаза?

— Это чтобы лучше видеть тебя, дитя моё!

— Бабушка, какие у вас большие зубы!
— Это чтобы съесть тебя! — сказал Волк и широко раскрыл пасть.

Увидев страшную волчью пасть, Красная Шапочка от ужаса зажмурилась и закричала что было силы.

На счастье, в это время шли мимо дровосеки. Услышав крик девочки, они вбежали в домик бабушки и убили Волка. Разрезали Волку живот, и оттуда вышла бабушка, страшно испуганная, но целая и невредимая!

Запомни:

Незнакомцам всё рассказывать опасно —
Ведь сказка кончиться могла ужасно!

В. Бианки

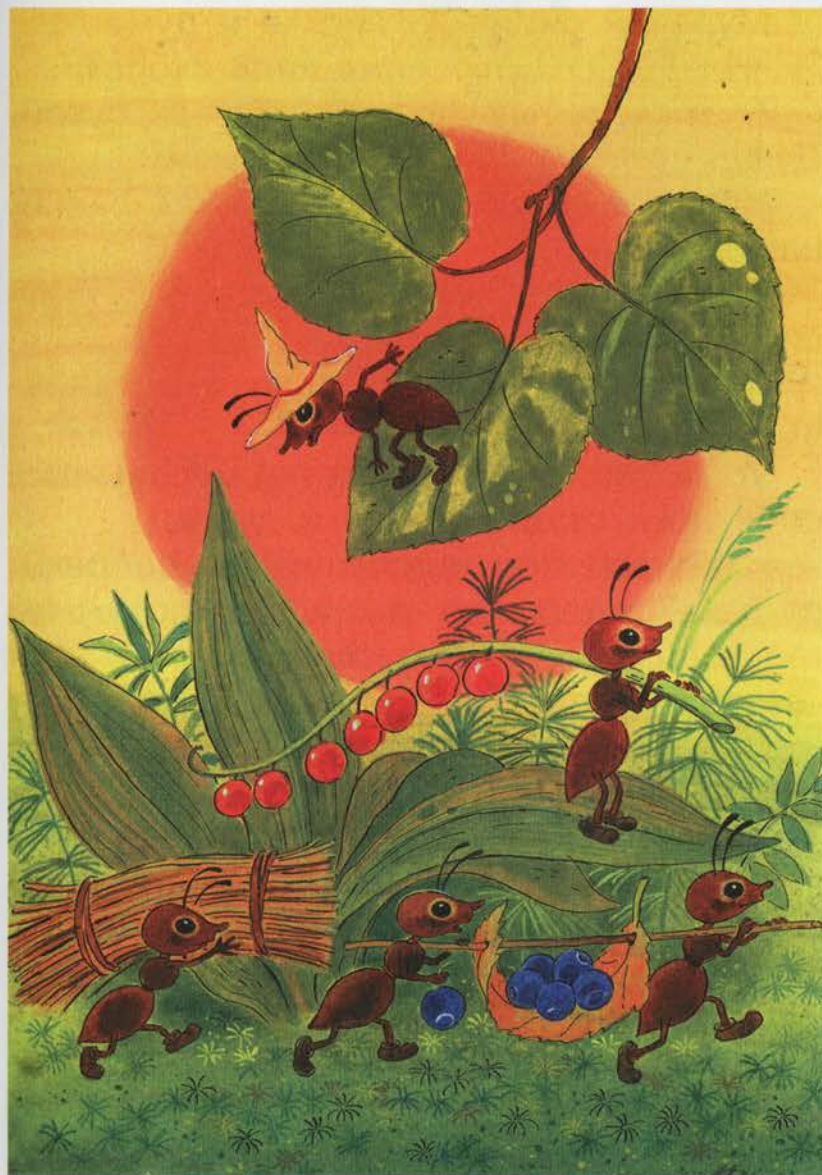
ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРАВЬИШКИ

Залез муравьишка на берёзу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает: «Отдохну немножко — и вниз».

У муравьёв ведь строго: только солнышко на закат — все домой бегут. Сядет солнце, муравьи все ходы и выходы закроют — и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает:
«Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: жёлтый, сухой.
Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несётся листок через лес, над рекой,
над деревней.

Летит муравьишка на листке, качает-
ся — чуть жив от страха.

Занёс ветер листок на луг за дерев-
ней да там и бросил.

Упал листок на камень, муравьишка
себе ноги отшиб. Лежит и думает:

«Пропала моя головушка! Не добрать-
ся мне теперь до дому. Место кругом

ровное. Был бы здоров — сразу бы до-
бежал, да вот беда — ноги болят. Обидно,
хоть землю кусай!»

Смотрит муравьишка — рядом гусе-
ница-землемер лежит. Червяк червяком,
только спереди ножки и сзади ножки.

Муравьишка говорит землемеру:

— Землемер, землемер, снеси меня
домой! У меня ножки болят.

— А ты кусаться не будешь?

— Кусаться не буду.

— Ну, садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину
землемеру. Тот изогнулся дугой, задние

ноги к передним приставил, хвост к голове. Потом вдруг встал во весь рост да так и лёг на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нём роста, и опять в дугу скрючился. Так и пошёл, так и пошёл землю мерить. Муравьишка то к земле летит, то к небу — то вниз головой, то вверх.

— Не могу больше, — кричит, — стой! А то укушу.

Остановился землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался.

Огляделся. Видит — луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу паук-сенокосец шагает; ноги — как ходули, между ног голова качается.

— Паук, а паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться пауку на спину: коленки у сенокосца торчат выше спины.

Начал паук свои ходули переставлять — одна нога тут, другая там; все

восемь ног, будто спицы, в глазах у муравьишки замелькали. А идёт паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку. Остановился паук.

— Слезай, — говорит. — Вон жужелица бежит; она резвей меня.

Слез муравьишка.

— Жужелка, жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись, прокачу.

Только успел муравьишка вскарабкаться жужелице на спину, как она пустилась бежать! Ноги у неё ровные, как у коня. Бежит шестиногий конь, бежит, не трясёт, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

— А теперь слезай, — говорит жужелица, — не с моими ногами по картофельным грядкам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для муравьишки — лес густой. Тут и со здоровыми ногами целый день бежать, а солнце уж низко.

Вдруг слышит муравьишка — пищит кто-то:

— А ну, муравей, полезай ко мне на спину, поскачем.

Обернулся муравьишка — стоит рядом жучок-блошачок, чуть от земли видно.

— Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

— А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился муравей на спине у блошака. Только-только ножки поставил.

— Влез?

— Ну, влез.

— А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки, а они у него, как пружинки, складные, — да щёлк! — распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щёлк! — на другой. Щёлк! — на третьей.

Так весь огород и отщёлкал блошачок, до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

— А через забор можешь?

— Через забор не могу: высок очень. Ты кузнечика попроси: он может.

— Кузнечик, кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись на загривок.

Сел муравьишка кузнечику на загривок.

Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их, точно выстрелил собой в воздух. С треском развернулись крылья, перенесли его через забор и тихонько опустили на землю.

— Стоп! — говорит кузнечик. — Приехали.

Муравьишка глядит вперёд, а там река:
год по ней плыви — не переплывёшь.

А солнце ещё ниже.

Кузнечик говорит:

— Через реку и мне не перескочить:
очень уж широкая. Стой-ка, я водомерку
кликну: будет тебе перевозчик.

Затрещал по-своему, глядь — бежит
по воде лодочка на ножках.

Подбежала.

Нет, не лодочка, а водомерка-клоп.

— Водомер, водомер, снеси меня до-
мой! У меня ножки болят.

— Ладно, садись, перевезу.

Сел муравьишка. Водомер подпрыгнул
и зашагал по воде, как посуху.

А солнце уж совсем низко.

— Миленький, пошибче! — просит му-
равьишка. — Меня домой не пустят.

— Можно и пошибче, — говорит водо-
мер.

Да как припустит! Оттолкнётся, оттолк-
нётся ножками и катит-скользит по воде,
как по льду. Живо на том берегу очутился.

— А по земле не можешь? — спраши-
вает муравьишка.

— По земле мне трудно: ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел муравьишка вперёд и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось.

Нет, не попасть муравьишке домой!

— Гляди, — говорит водомер, — вот тебе и конь ползёт.

Видит муравьишка: ползёт мимо майский хрущ — тяжёлый жук, неуклюжий жук. Разве на таком коне далеко укачешь? Всё-таки послушался водомера:

— Хрущ, хрущ, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— А ты где живёшь?

— В муравейнике за лесом.

— Далёконько... Ну что с тобой делать? Садись, довезу.

Полез муравьишка по жёсткому жучьему боку.

— Сел, что ли?

— Сел.

— А куда сел?

— На спину.

— Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез муравьишка жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил жук спину надвое — два жёстких крыла приподнял. Крылья у жука точно два перевёрнутых корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал жук пыhtеть, надуваться: уф, уф, уф! Будто мотор заводит.

— Дяденька, — просит муравьишка, — поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает жук, только пыhtит: уф, уф, уф!

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали — жжж! тук-тук-тук!.. Поднялся хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх, выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал хрущ, у муравьишки даже дух захватило.

Жжж! Тук-тук-тук! Несётся жук, буравит воздух, как пуля. Мелькнул под ним лес — и пропал.

А вот и берёза знакомая, муравейник под ней.

Над самой вершиной берёзы выключил жук мотор и — шлёп! — сел на сук.

— Дяденька, миленький! — взмолился муравьишка. — А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жёсткими корытцами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал. Подумал и говорит:

— А уж как тебе вниз спуститься, не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам как знаешь.

Глянул муравьишка вниз, а там, под самой берёзой, его дом родной. Глянул на солнышко — солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя — сучья да листья, листья да сучья. Не попасть муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся! Вдруг видит: рядом на листке гусеница-листовертка сидит, шёлковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

— Гусеница, гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась — не пустят меня домой ночевать.

— Отстань! Видишь, дело делаю — пряжу пряду.

— Все меня жалели, никто не гнал, ты — первая!

Не удержался муравьишка, кинулся на неё да как куснёт!

С перепугу гусеница лапки поджала да кувырк с листа! — и полетела вниз. А муравьишка на ней висит, крепко вцепился.

Только недолго они падали: что-то их сверху — дёрг!

И закачались они оба на шёлковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается муравьишка на листовёртке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней делается: выматывается у листовёртки из брюшка, тянется, не рвётся. Муравьишка с листовёрткой всё ниже, ниже, ниже опускаются.

А внизу, в муравейнике, муравьи хлопчут, спешат: входы, выходы закрывают.

Все закрыли, один — последний — вход остался.

Муравьишка с гусеницы — кувырк! — и домой.

Тут и солнышко зашло.

Дж. Харрис
СМОЛЯНОЕ ЧУЧЕЛКО

...Пошёл Братец Лис гулять, набрал смолы и слепил из неё человечка — Смоляное Чучелко.

Взял он это Чучелко и посадил у большой дороги, а сам спрятался под куст. Только спрятался, глядь — идёт по дороге вприскок Кролик: скок-поскок, скок-поскок.

...Кролик, как увидел Чучелко, удивился, даже на задние лапки встал. Чучелко сидит и сидит, а Братец Лис — он лежит тихо.

— Доброго утра! — говорит Кролик. — Славная погодка нынче.

Чучелко молчит, а Лис лежит тихо.

— Что ж это ты молчишь? — говорит Кролик.

Старый Лис только глазом моргнул, а Чучелко — ничего не сказало.

— Да ты оглох, что ли? — говорит Кролик. — Если оглох, я могу погромче кричать.

Чучелко молчит, а Старый Лис лежит тихо.

— Ты грубиян, я тебя проучу за это! Да, да, проучу! — говорит Кролик.

Лис чуть не подавился со смеху, а Чучелко — оно ничего не сказало.

— Когда тебя спрашивают, надо отвечать, — говорит Кролик. — Сейчас же сними шляпу и поздоровайся, а нет — я с тобой разделаюсь по-свойски!

Чучелко молчит, а Братец Лис — он лежит тихо.

Вот Кролик отскочил назад, размахнулся и как стукнет Чучелко по голове кулаком! Кулак прилип, никак не оторвёшь его: смола держит крепко.

А Чучелко всё молчит, и Старый Лис лежит тихо.

— Отпусти сейчас же, а то ударю! — говорит Кролик.

Ударил Чучелко другой рукой, и эта прилипла...

Тогда Кролик ударил его ногами, и ноги прилипли. А Братец Лис лежит тихо.

Кролик кричит:

— Если непустишь, я буду бодаться!

Боднул Чучелко — и голова прилипла. Тогда Лис выскочил из-под куста.

— Как поживаешь, Братец Кролик? — говорит Лис. — Да что ж ты не здороваешься со мною?

Повалился Лис на землю и ну смеяться. Уж он хохотал, хохотал, даже в боку закололо.

— Ну, сегодня-то мы пообедаем вместе, Братец Кролик!..

КАК БРАТЕЦ КРОЛИК ПЕРЕХИТРИЛ БРАТЦА ЛИСА

— ...И сам ты во всём виноват, Братец Кролик! Так и надо тебе, так и будешь сидеть, пока я не наберу хворосту и не зажгу его, потому что я, конечно, зажарю тебя сегодня, Братец Кролик.

Так сказал Старый Лис.

А Кролик отвечает так смиренно, послушно:

— Делай со мной что хочешь, Братец Лис, только, пожалуйста, не вздумай бросить меня в этот терновый куст. Жарь меня, как хочешь, Братец Лис, только не бросай меня в этот терновый куст.

— Пожалуй, слишком много возни с костром, — говорит Лис. — Пожалуй, я лучше повешу тебя, Братец Кролик.

— Вешай, как хочешь высоко, Братец Лис, — говорит Кролик, — только бы ты не вздумал бросить меня в этот терновый куст.

— Верёвки-то у меня нет, — говорит Лис, — так что, пожалуй, я утоплю тебя.

— Топи меня, — говорит Кролик, — только не бросай меня в этот терновый куст.

Но Братец Лис хотел расправиться с Кроликом покрепче.

— Ну, — говорит, — раз ты боишься, как раз и брошу тебя в терновый куст.

— Где тебе! — говорит Братец Кролик. — С Чучелком-то я слишком тяжёл, не добросишь.

Схватил Лис Кролика за уши да как тряхнёт! Отклеилось, упало Чучелко.

— А вот и доброшу, — говорит Лис.

Как размахнётся, как бросит Кролика в серединку тернового куста, даже треск пошёл. Встал Лис на задние лапы, смотрит, что будет с Кроликом. ...Глядь — там, на пригорке, Братец Кролик на брёвнышке, нога на ногу, сидит-посиживает, смолу из шерсти вычёсывает щепкой.

Понял тут Лис, что опять остался в дураках. А Братцу Кролику позлить его охота, он и кричит:

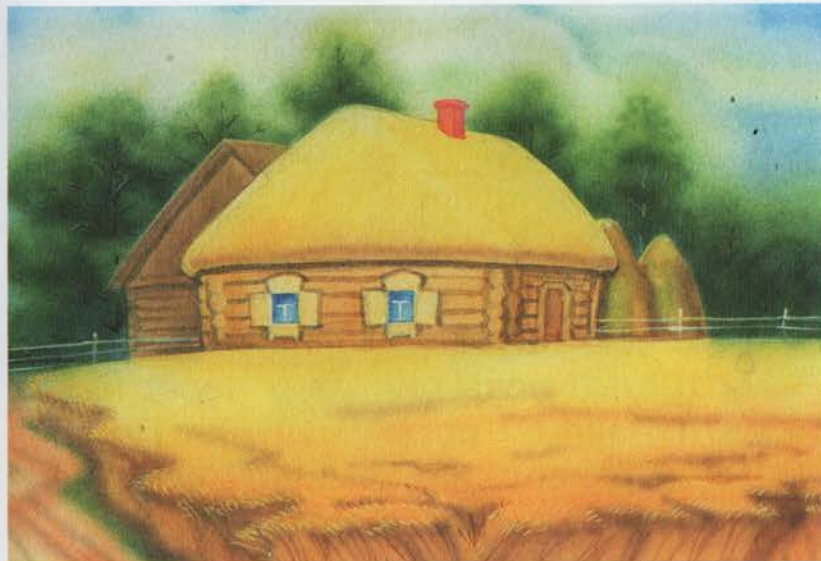
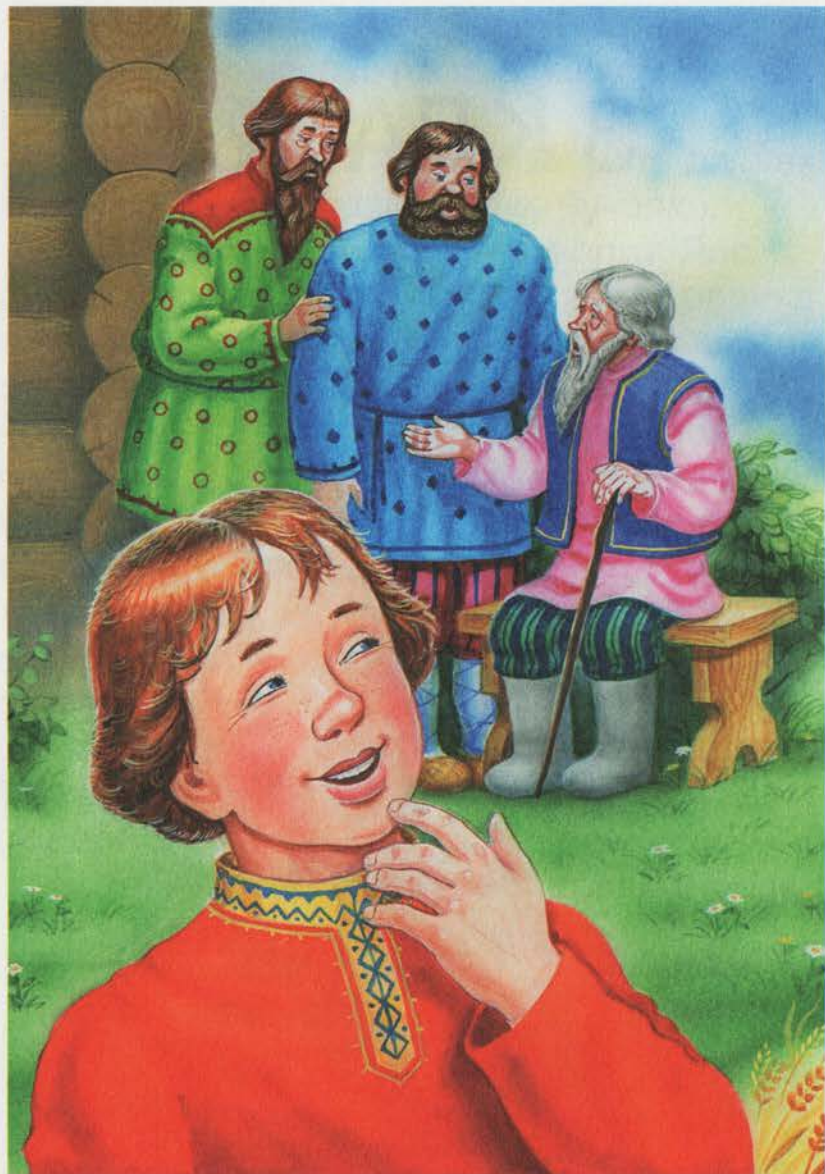
— Терновый куст — мой дом родной, Братец Лис! Терновый куст — мой дом родной!

Вскочил и пропал, как сверчок в золе.

3 КЛАСС

СИВКА-БУРКА

Русская народная сказка

Было у старика трое сыновей: двое умных, а третий — Иванушка-дурачок; день и ночь дурачок на печи.

Посеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночам толочь и травить. Вот старик и говорит детям:

— Милые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь поочерёдно, поймайте мне вора.

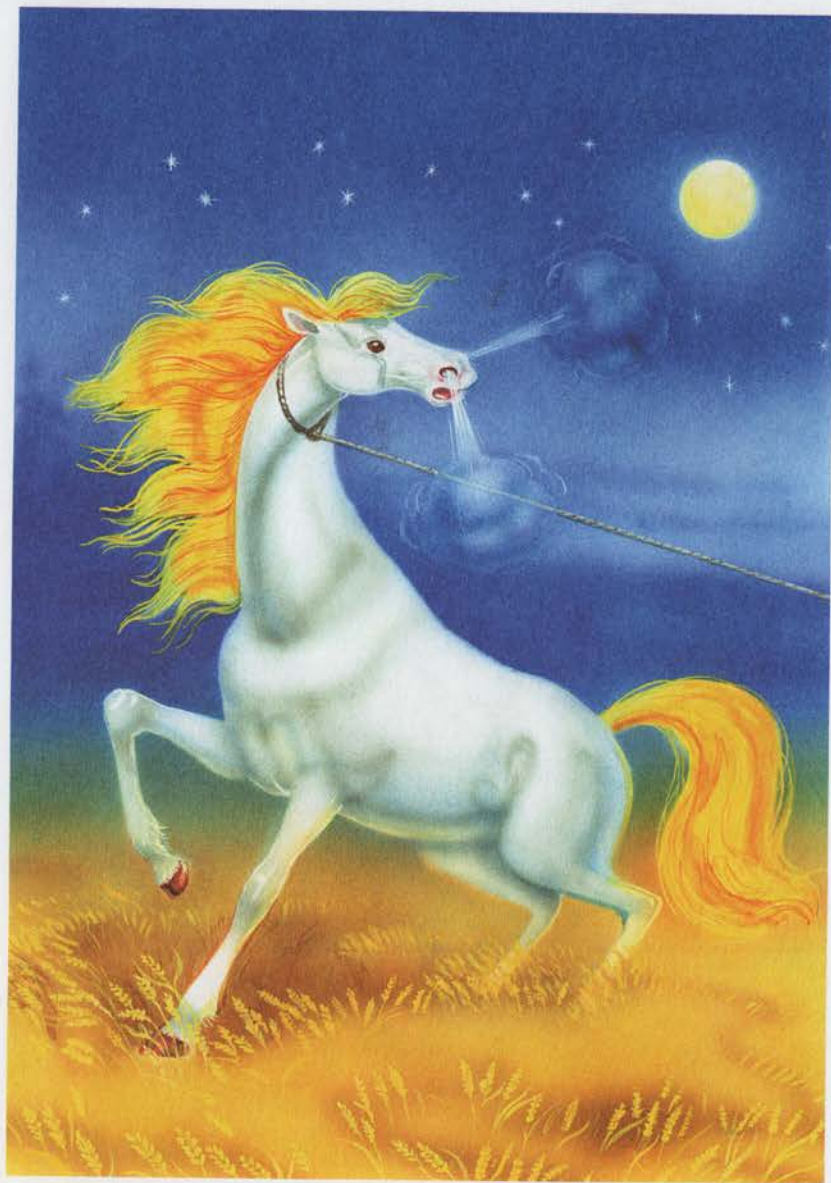
Приходит первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать: забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит: всю ночь-де не спал, иззяб, а вора не видал.

На вторую ночь пошёл средний сын и также всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черёд дураку идти. Взял он аркан и пошёл. Пришёл на межу и сел на камень: сидит — не спит, вора дожидается.

В самую полночь прискакал на пшеницу разношёрстный конь: одна шерстин-

ка золотая, другая серебряная; бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. И отал тот конь пшеницу есть: не столько ест, сколько топчет.

Подкрался дурак на четвереньках к коню и разом накинул ему на шею аркан. Рванулся конь изо всех сил — не тут-то было. Дурак упёрся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить:

— Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу!

— Хорошо, — отвечает Иванушка-дурачок. — Да как я тебя потом найду?

— Выйди за околицу, — говорит конь, — свистни три раза и крикни: «Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» — я тут и буду.

Отпустил коня Иванушка-дурачок и взял с него слово — пшеницы больше не есть и не топтать.

Пришёл Иванушка домой.

— Ну что, дурак, видел? — спрашивают братья.

— Поймал я, — говорит Иванушка, — разношёрстного коня. Пообещался он больше не ходить на пшеницу — вот я его и отпустил.

Посмеялись вволю братья над дураком, только уж с этой ночи никто пшеницы не трогал.

Скоро после этого стали по деревням и городам бирючи от царя ходить, клич кликать: собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мещане, и простые крестьяне, все к царю на праздник, на три дня;

берите с собой лучших коней; и кто на своём коне до царевнина терема доскочит и с царевниной руки перстень снимет, за того царь царевну замуж отдаст.

Стали собираться на праздник и Иванушкины братья; не то чтобы уж самим скакать, а хоть на других посмотреть. Просится и Иванушка с ними.

— Куда тебе, дурак! — говорят братья. — Людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себе на печи да золу пересыпай.

Уехали братья; а Иванушка-дурачок взял у невесток лукошко и пошёл грибы брать. Вышел Иванушка в поле, лукошко бросил, свистнул три раза и крикнул: «Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!»

Конь бежит — земля дрожит, из ушей пламя, из ноздрей дым столбом валит. Прибежал — и стал конь перед Иванушкой как вкопанный.

— Ну, — говорит, — влезай мне, Иванушка, в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванушка к коню в правое ухо, а в левое вылез — и стал таким молод-

цем, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать.

Сел тогда Иванушка на коня и поскакал на праздник к царю. Прискакал на площадь перед дворцом, видит — народу видимо-невидимо; а в высоком терему, у окна, царевна сидит: на руке перстень — цены нет, собою красавица из красавиц. Никто до неё скакать и не думает: никому нет охоты шею ломать. Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бёдрам, осерчал конь, прыгнул — только на три венца до царевнина окна не допрыгнул.

Удивился народ, а Иванушка повернул коня и поскакал назад. Братья его не скоро посторонились, так он их шёлковой плёткой хлестнул. Кричит народ: «Держи, держи его!» — а Иванушки уж и след простыл.

Выехал Иван из города, слез с коня, влез к нему в левое ухо, в правое вылез и стал опять прежним Иванушкой-

дурачком. Отпустил Иванушка коня, набрал лукошко мухоморов и принёс домой.

— Вот вам, хозяйюшки, грибков, — говорит.

Рассердились тут невестки на Ивана: — Что ты, дурак, за грибы принёс? Разве тебе одному их есть?

Усмехнулся Иван и опять залёг на печь.

Пришли братья домой и рассказывают отцу, как они в городе были и что видели; а Иванушка лежит на печи да посмеивается.

На другой день старшие братья опять на праздник поехали, а Иванушка взял лукошко и пошёл за грибами.

Вышел в поле, свистнул, гаркнул: «Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» Прибежал конь и стал перед Иванушкой как вкопанный.

Перерядился опять Иван и поскакал на площадь. Видит — на площади народу ещё больше прежнего; все на царевну любят, а прыгать никто и не думает: кому охота шею ломать! Ударил тут Ива-

нушка своего коня по крутым бёдрам; осерчал конь, прыгнул — и только на два венца до царевнина окна не достал. Поворотил Иванушка коня, хлестнул братьев, чтоб посторонились, и ускакал.

Приходят братья домой, а Иванушка уже на печи лежит, слушает, что братья рассказывают, и посмеивается.

На третий день опять братья поехали на праздник, прискакал и Иванушка. Стегнул он своего коня плёткой. Осерчал конь пуще прежнего: прыгнул — и достал до окна. Иванушка поцеловал царевну в сахарные уста, схватил с её пальца перстень, повернул коня и ускакал, не позабывши братьев плёткой огреть.

Тут уж и царь и царевна стали кричать: «Держи, держи его!» — а Иванушкин и след простыл.

Пришёл Иванушка домой — одна рука тряпкой обмотана.

— Что это у тебя такое? — спрашивают Ивана невестки.

— Да вот, — говорит, — искавши грибов, сучком накололся. — И полез Иван на печь.

Пришли братья, стали рассказывать, что и как было. А Иванушке на печи захотелось на перстень посмотреть: как приподнял он тряпку, избу всю так и осияло.

— Перестань, дурак, с огнём баловать! — крикнули на него братья. — Ещё избу сожжёшь. Пора тебя, дурака, совсем из дому прогнать.

Дня через три идёт от царя клич, чтобы весь народ, сколько ни есть в его царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться, а кто царским пиром побрезгует — тому голову с плеч.

Нечего тут делать; пошёл на пир сам старик со всей семьёй. Пришли, за столы дубовые посадились; пьют и едят, речь гуторят.

В конце пира стала царевна мёдом из своих рук гостей обносить. Обошла всех, подходит к Иванушке последнему; а на дураке-то платьишко худое, весь в саже, волосы дыбом, одна рука грязной тряпкой завязана... просто страсть.

— Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана? — спрашивает царевна. — Развяжи-ка.

Развязал Иванушка руку, а на пальце царевнин перстень — так всех и осиял.

Взяла тогда царевна дурака за руку, подвела к отцу и говорит:

— Вот, батюшка, мой суженый.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одели в царское платье, и стал он таким

молодцем, что отец и братья глядят — и глазам своим не верят.

Сыграли свадьбу царевны с Иванушкой и сделали пир на весь мир. Я там был: мёд, пиво пил; по усам текло, а в рот не попало.

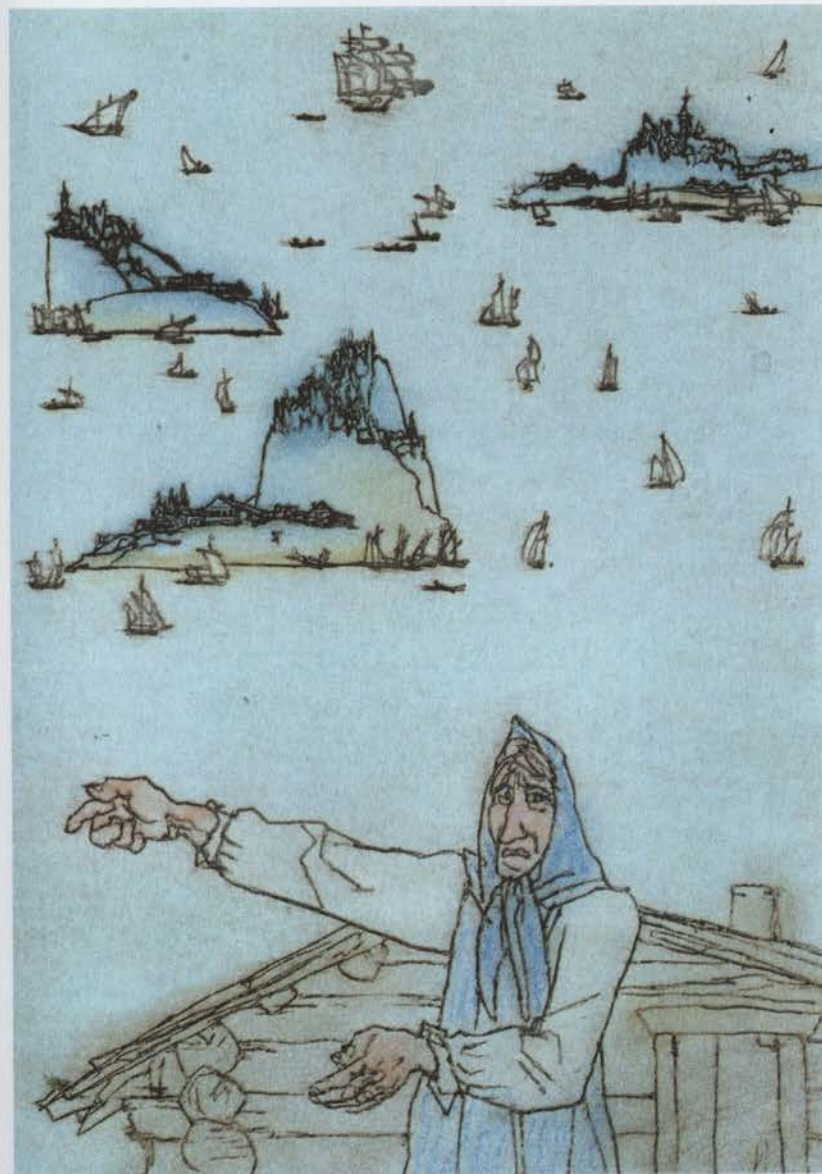
А. С. Пушкин

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

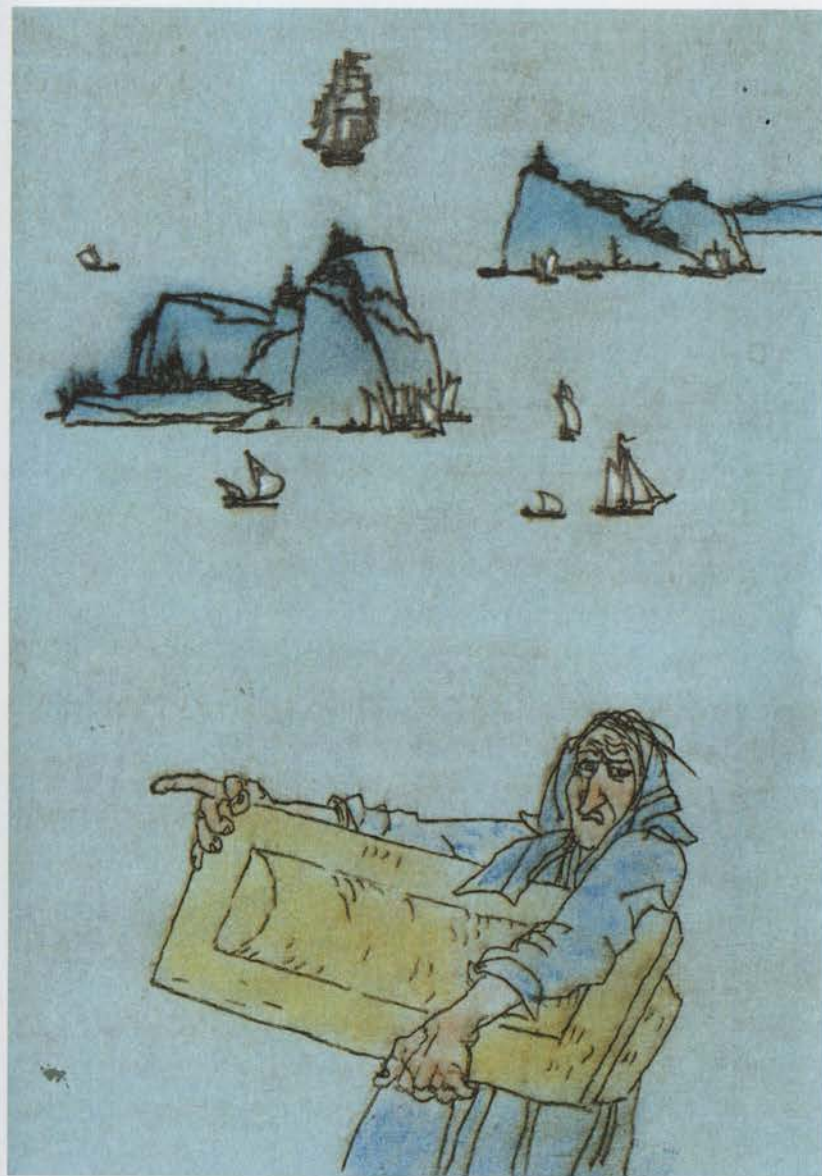
Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришёл невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод, —
Пришёл невод с травой морской.

В третий раз закинул он невод, —
Пришёл невод с одною рыбкой,
С непростою рыбкой, — золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море!
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо:
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.

Не посмел я взять с неё выкуп;
Так пустил её в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с неё корыто,
Наше-то совсем раскололось».
Вот пошёл он к синему морю;
Видит, — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не даёт старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом,
Будет вам новое корыто».
Воротился старик ко старухе;
У старухи новое корыто.
Ещё пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!

В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж йзбу».

Вот пошёл он к синему морю,
(Помутилося синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Ещё пуще старуха бранится,
Не даёт старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом,
Так и быть: изба вам уж будет».
Пошёл он ко своей землянке,
А землянки нет уж и слéда;
Перед ним изба со светёлкой,
С кирпичною, белёною трубою,
С дубовыми, тесовыми воротаы.
Старуха сидит под окошком,
На чём свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!»

Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть чёрной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошёл старик к синему морю;
(Не спокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не даёт старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом».
Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;

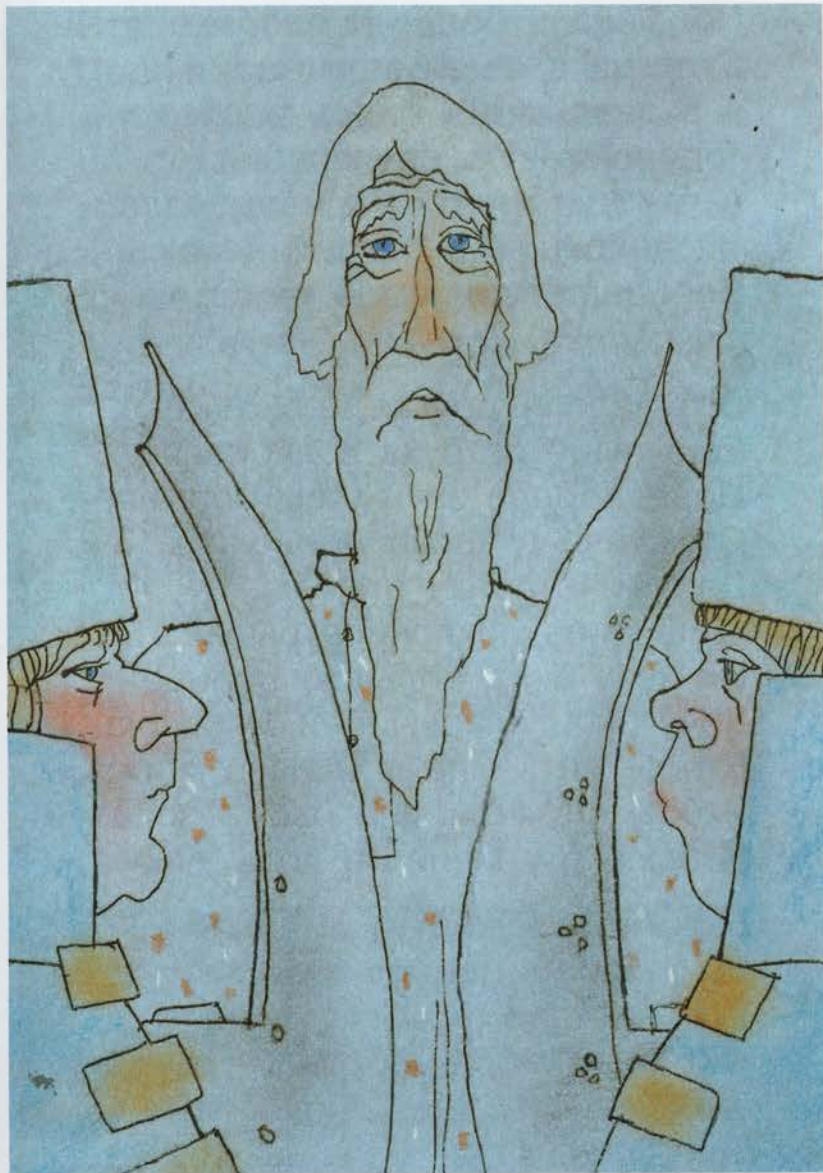
Она бьёт их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь!
Насмешишь ты целое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдёшь, поведут поневоле».
Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.

Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты.
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг её стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, — испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.

Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась.
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскиали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море.
Чтобы служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперёк слова молвить.
Вот идёт он к синему морю,
Видит, на море чёрная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воеют.

Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

С. Маршак
СТАРУХА, ДВЕРЬ ЗАКРОЙ!

Народная сказка

Под праздник, под воскресный день,
Пред тем, как на ночь лечь,
Хозяйка жарить принялась,
Варить, тушить и печь.

Стояла осень на дворе,
И ветер дул сырой.
Старик старухе говорит:
— Старуха, дверь закрой!

— Мне только дверь и закрывать,
Другого дела нет.
По мне — пускай она стоит
Открытой сотню лет!

Так без конца между собой
Вели супруги спор,
Пока старик не предложил
Старухе уговор:

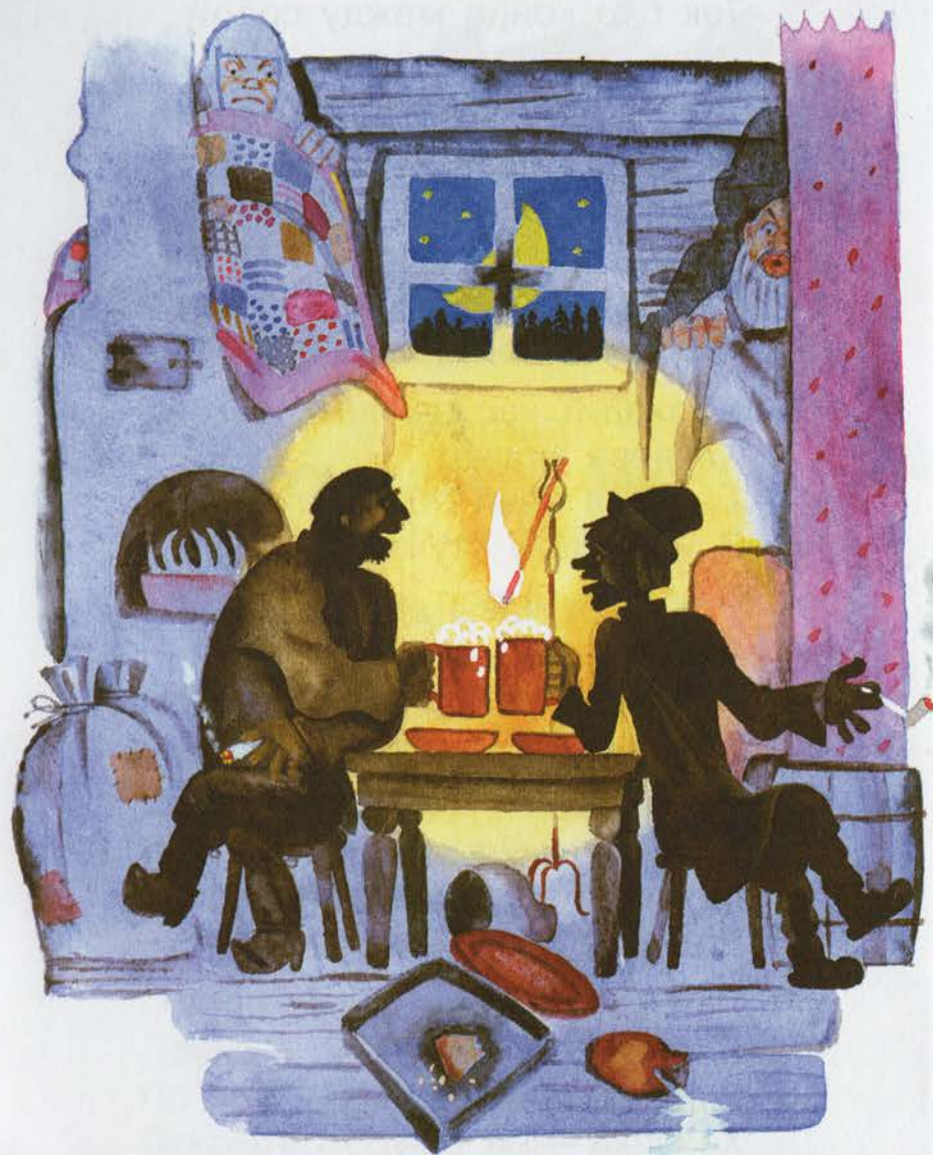
— Давай, старуха, помолчим.
А кто откроет рот
И первый вымолвит словцо,
Тот двери и запрёт!

Проходит час, за ним другой.
Хозяева молчат.
Давно в печи погас огонь.
В углу часы стучат.

Вот бьют часы двенадцать раз,
А дверь не заперта.
Два незнакомца входят в дом,
А в доме темнота.

— А ну-ка, — гости говорят, —
Кто в домике живёт? —
Молчат старуха и старик,
Воды набрали в рот.

Ночные гости из печи
Берут по пирогу,
И потроха, и петуха, —
Хозяйка — ни гугу.

Нашли табак у старика.
— Хороший табачок!
Из бочки выпили пивка.
Хозяева — молчок.

Всё взяли гости, что могли,
И вышли за порог.
Идут двором и говорят:
— Сырой у них пирог!

А им вослед старуха: — Нет!
Пирог мой не сырой! —
Ей из угла старик в ответ:
— Старуха, дверь закрой!

Борис Заходер

ПЕРЕМЕНА

«Перемена, перемена!» —
Заливается звонок.
Первым Вова непременно
Вылетает за порог.
Вылетает за порог —
Семерых сбивает с ног.
Неужели это Вова,
Продремавший весь урок?
Неужели этот Вова
Пять минут назад ни слова
У доски сказать не мог?
Если он, то, несомненно,
С ним бо-о-ольшая перемена!
Не угонишься за Вовой!
Он гляди какой бедовый!

Он за пять минут успел
Переделать кучу дел:
Он поставил три подножки
(Ваське, Кольке и Серёжке),
Прокатился кувырком,
На перила сел верхом,
Лихо шлёпнулся с перил,
Подзатыльник получил,

С ходу дал кому-то сдачи,
Попросил списать задачи, —
Словом,
Сделал всё, что мог!
Ну а тут — опять звонок...
Вова в класс плетётся снова.
Бедный! Нет лица на нём!
— Ничего, — вздыхает Вова, —
На уроке отдохнём!

С. Маршак

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Словацкая сказка

Знаешь ли ты, сколько месяцев в году?
Двенадцать.

А как их зовут?

Январь, февраль, март, апрель, май,
июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, но-
ябрь, декабрь.

Только окончится один месяц, сразу
же начинается другой. И ни разу ещё
не бывало так, чтобы февраль шёл рань-
ше, чем уйдёт январь, а май обогнал бы
апрель.

Месяцы идут один за другим и никог-
да не встречаются.

Но люди рассказывают, будто в горной стране Богемии была девочка, которая видела все двенадцать месяцев сразу.

Как же это случилось?

А вот как.

В одной маленькой деревушке жила злая и скупая женщина с дочкой и падчерицей. Дочку она любила, а падчерица ничем ей не могла угодить. Что ни делает падчерица — всё не так, как ни повернётся — всё не в ту сторону.

Дочка по целым дням на перине валялась да пряники ела, а падчерице с утра до ночи и присест некогда было: то воды натаškai, то хворосту из леса привези, то бельё на речке выполощи, то грядки в огороде выполи.

Знала она и зимний холод, и летний зной, и весенний ветер, и осенний дождь. Потому-то, может, и довелось ей однажды увидеть все двенадцать месяцев разом.

Была зима. Шёл январь месяц. Снега намело столько, что от дверей его приходилось отгребать лопатами, а в лесу на горе деревья стояли по пояс в сугро-

бах и даже качаться не могли, когда на них налетал ветер.

Люди сидели в домах и топили печки.

В такую-то пору под вечер злая мачеха приоткрыла дверь, поглядела, как метёт вьюга, а потом вернулась к тёплой печке и сказала падчерице:

— Сходила бы ты в лес да набрала бы там подснежников. Завтра сестрица твоя именинница.

Посмотрела на мачеху девочка: шутит она или вправду посылает её в лес? Страшно в лесу теперь, да и какие среди зимы подснежники? Раньше марта месяца они и не появятся на свет, сколько их ни ищи. Только пропадёшь в лесу, увязнешь в сугробах.

А сестра говорит ей:

— Если пропадёшь, так плакать о тебе никто не станет. Ступай, да без цветов не возвращайся. Вот тебе корзинка.

Заплакала девочка, закуталась в рваный платок и вышла из дверей.

Ветер снегом ей глаза порошит, платок с неё рвёт. Идёт она, еле ноги из сугроба вытягивает.

Всё темнее становится кругом. Небо чёрное, а земля чуть посветлее.

Вот и лес. Тут уже совсем темно — рук своих не разглядишь. Села девочка на поваленное дерево и сидит. Всё равно, думает, где замерзать.

И вдруг далеко меж деревьев сверкнул огонёк — будто звезда среди ветвей запуталась.

Поднялась девочка и пошла на этот огонёк. Тонет в сугробах, через бурелом перелезает. «Только бы, думает, огонёк не погас!» А он не гаснет, он всё ярче горит. Уж и тёплым дымком запахло и слышно стало, как потрескивает в огне хворост.

Девочка прибавила шагу и вышла на полянку, да так и замерла.

Светло на полянке, точно от солнца. Среди полянки большой костёр горит — чуть ли не до самого неба достаёт. А вокруг костра сидят люди — кто поближе к огню, кто подальше. Сидят и тихо беседуют.

Смотрит на них девочка и думает: кто же они такие? На охотников будто не похожи, на дровосеков ещё того меньше: вон они какие нарядные — кто в серебре, кто в золоте, кто в зелёном бархате.

Стала она считать, насчитала двенадцать: трое старых, трое пожилых, трое молодых, а последние трое — совсем ещё мальчики.

Молодые у самого огня сидят, а старики поодаль.

И вдруг обернулся один старик — самый высокий, самый бровастый — и поглядел в ту сторону, где стояла девочка.

Испугалась она, хотела убежать, да поздно. Спрашивает её старик громко:

— Ты откуда пришла? Чего тебе здесь нужно?

Девочка показала свою пустую корзинку и говорит:

— Нужно мне набрать в эту корзинку подснежников.

Засмеялся старик:

— Это в январе-то подснежников? Вон чего выдумала!

— Не я выдумала, — отвечает девочка, — а прислала меня сюда за подснежниками моя мачеха и не велела мне с пустой корзинкой домой возвращаться.

Тут все двенадцать поглядели на неё и стали между собой переговариваться.

Стоит девочка, слушает, а слов не понимает — будто не люди разговаривают, а деревья шумят.

Поговорили они, поговорили и замолчали.

А высокий старик опять обернулся и спрашивает:

— Что же ты делать будешь, если не найдёшь подснежников? Ведь они раньше марта месяца и не выглянут.

— В лесу останусь, — говорит девочка. — Буду марта месяца ждать. Уж лучше в лесу замёрзнуть, чем домой без подснежников вернуться.

Сказала и заплакала.

И вдруг один из двенадцати, самый молодой, весёлый, в шубке на одном плече, встал и подошёл к старику:

— Братец Январь, уступи мне на час своё место!

Погладил свою длинную бороду старик и говорит:

— Я бы уступил, да не бывать Марту прежде Февраля.

— Ладно уж, — проворчал другой старик, весь лохматый, с растрёпанной бородой. — Уступи, я спорить не стану! Мы все хорошо её знаем: то у проруби её встретишь с вёдрами, то в лесу с вязанкой дров. Всем месяцам она своя. Надо ей помочь!

— Ну, будь по-вашему, — сказал Январь.
Он стукнул о землю своим ледяным посохом и заговорил:

— Не трещите, морозы,
В заповедном бору,
У сосны, у берёзы
Не грызите кору!

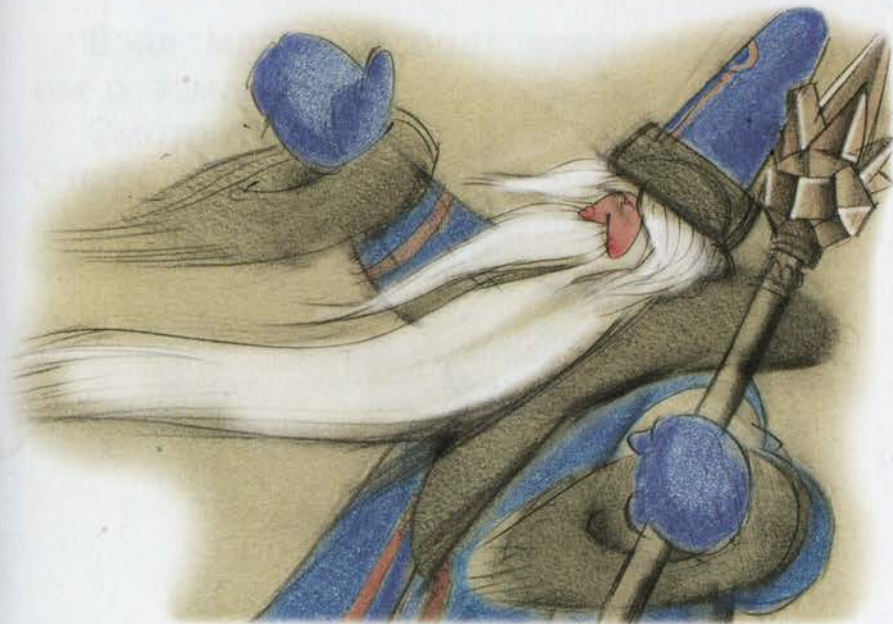
Полно вам вороньё
Замораживать,
Человечье жильё
Выхолаживать!

Замолчал старик, и тихо стало в лесу. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег начал падать густо, большими мягкими хлопьями.

— Ну, теперь твой черёд, братец, — сказал Январь и отдал посох меньшему братцу, лохматому Февралю.

Тот стукнул посохом, замотал головой и загудел:

— Ветры, бури, ураганы,
Дуйте что есть мочи!
Вихри, вьюги и бураны,
Разыграйтесь к ночи!

В облаках трубите громко,
Вейтесь над землёю!
Пусть бежит в полях позёмка
Белою змеёю!

И только он это сказал, как зашумел в ветвях бурный, мокрый ветер. Закружились снежные хлопья, понеслись по земле белые вихри.

А Февраль отдал свой ледяной посох младшему брату и сказал:

— Теперь твой черёд, братец Март.

Взял младший брат посох и ударил им о землю.

Смотрит девочка: а это уже не посох. Это большая ветка, вся покрытая почками.

Усмехнулся Март и запел звонко, во весь свой мальчишеский голос:

— Разбегайтесь, ручьи,
Растекайтесь, лужи,
Вылезайте, муравьи,
После зимней стужи!

Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник.
Стали птицы песни петь,
И расцвёл подснежник.

Девочка даже руками всплеснула. Куда делись высокие сугробы? Где ледяные сосульки, что висели на каждой ветке?

Под ногами у неё — мягкая весенняя земля. Кругом каплет, течёт, журчит. Почки на ветвях надулись и уже выглядывают из-под тёмной кожуры первые зелёные листики.

Глядит девочка — наглядеться не может.

— Что же ты стоишь? — говорит ей Март. — Торопись, нам с тобой всего один часок братья мои подарили.

Девочка очнулась и побежала в чащу подснежники искать. А их видимо-невидимо. Под кустами и под камнями, на кочках и под кочками — куда ни поглядишь! Набрала она полную корзину, полный передник — и скорее опять на полянку, где костёр горел, где двенадцать братьев сидели.

А там уже ни костра, ни братьев нет. Светло на поляне, да не по-прежнему. Не от огня свет, а от полного месяца, что взошёл над лесом.

Пожалела девочка, что поблагодарить ей некого, и побежала домой.

А месяц за ней поплыл.

Не чуя под собой ног, добежала она до своих дверей — и только вошла в дом, как за окошками опять загудела зимняя вьюга, а месяц спрятался в тучи.

— Ну что? — спросили её мачеха и сестра. — Уже домой вернулась? А подснежники где?

Ничего не ответила девочка, только высыпала из передника на лавку подснежники и поставила рядом корзинку.

Мачеха и сестра так и ахнули:

— Да где же ты их взяла?

Рассказала им девочка всё, как было. Слушают они обе и только головами качают — верят и не верят. Трудно поверить, да ведь вот на лавке целый ворох подснежников, свежих, голубеньких. Так и веет от них мартом месяцем!

Переглянулись мачеха с дочкой и спрашивают:

— А больше они тебе ничего не дали?

— Да я больше ничего и не просила.

— Вот дура так дура! — говорит сестра. — В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретила, а ничего, кроме подснежников, не выпросила.

Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного — яблок да груш сладких, у другого — земляники спелой, у третьего — грибов беленьких, у четвёртого — свежих огурчиков!

— Умница, доченька, — говорит мачеха. — Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы всё это и сколько бы денег выручили! А эта дурочка подснежников натаскала! Одевайся, дочка, потеплее да сходи на полянку. Уж тебя они не проведут, хоть их двенадцать, а ты одна.

— Где им! — отвечает дочка, а сама руки в рукава, платок на голову.

Мать ей вслед кричит:

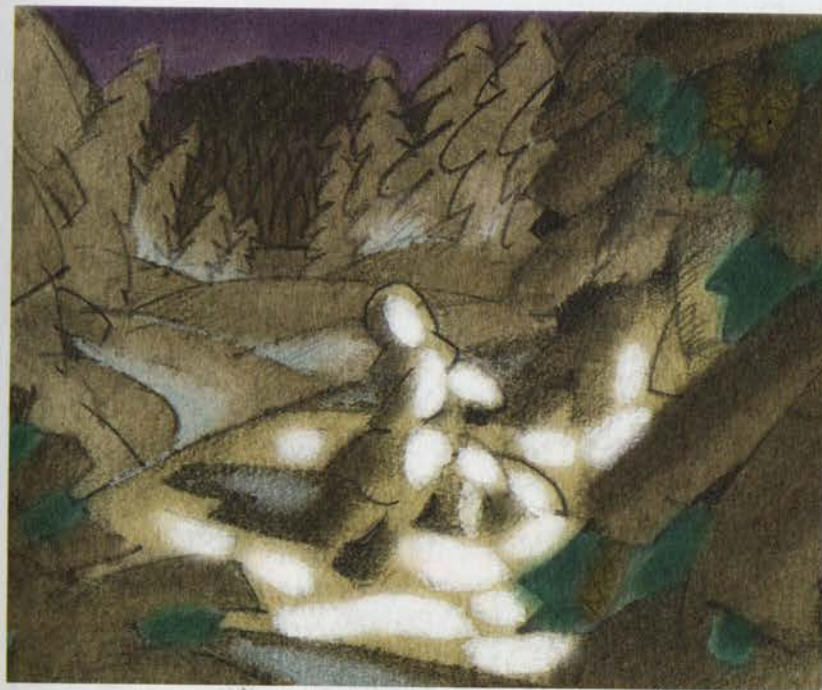
— Рукавички надень, шубку застегни!

А девочка уже за дверью. Убежала в лес.

Идёт по сестриным следам, торопится. «Скорее бы, думает, до полянки добраться!»

Лес всё гуще, всё темней. Сугробы всё выше, бурелом стеной стоит.

«Ох, — думает мачехина дочка, — и зачем только я в лес пошла! Лежала бы

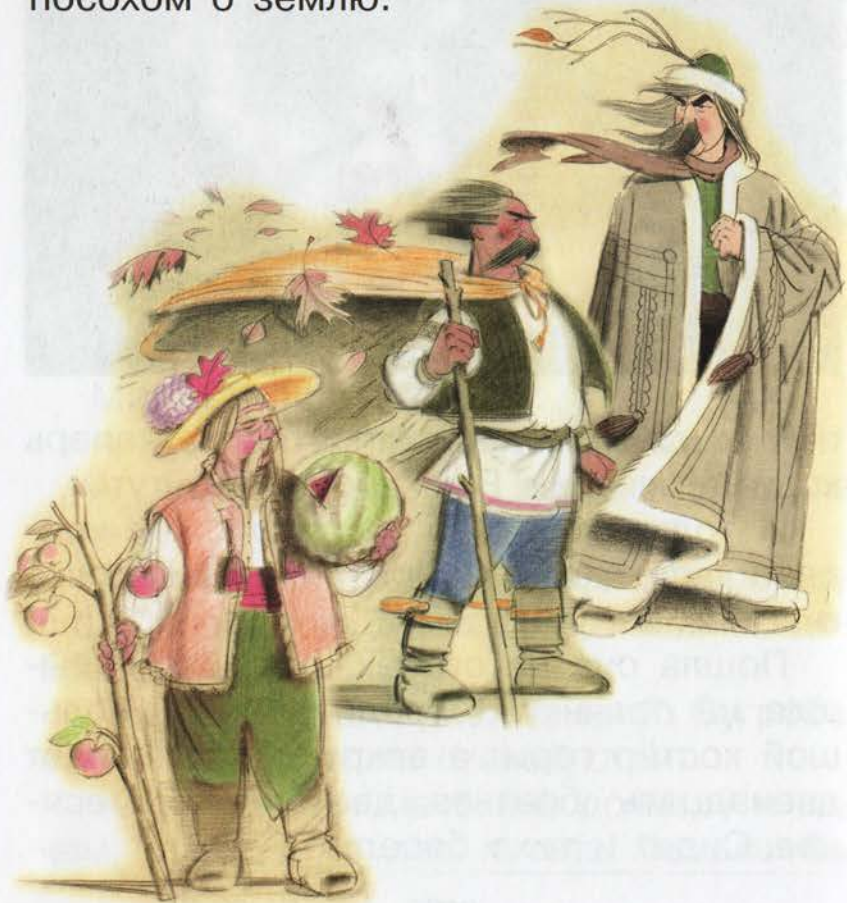
сейчас дома в тёплой постели, а теперь ходи да мёрзни! Ещё пропадёшь тут!»

И только она это подумала, как увидела вдалеке огонёк, точно звёздочка в ветвях запуталась.

Пошла она на огонёк, шла, шла и вышла на полянку. Посреди полянки большой костёр горит, а вокруг костра сидят двенадцать братьев, двенадцать месяцев. Сидят и тихо беседуют.

Подошла мачехина дочка к самому костру, не поклонилась, приветливого слова не сказала, а выбрала место, где жарче, и стала греться.

Замолчали братья-месяцы. Тихо стало в лесу. И вдруг стукнул Январь-месяц посохом о землю.

— Зачем пришла? — спрашивает. — Откуда взялась?

— Из дому, — отвечает мачехина дочка. — Вы нынче моей сестре целую корзинку подснежников дали. Вот я и пришла по её следам.

— Сестру твою мы знаем, — говорит Январь-месяц. — А тебя и в глаза не видали. Ты зачем к нам пожаловала?

— За подарками. Пусть Июнь-месяц мне земляники в корзинку насыплет, да покрупней. А Июль-месяц огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август — яблок да груш сладких. А Сентябрь-месяц — орехов спелых.

— погоди, — говорит Январь-месяц. — Не бывать лету перед весной, а весне перед зимой. Далеко ещё до Июня-месяца. Я теперь в лесу хозяин, тридцать один день царствовать буду.

— Ишь, какой сердитый! — говорит мачехина дочка. — Да я не к тебе пришла — от тебя, кроме снега да инея, ничего не дождёшься. Мне летних месяцев надо.

Нахмурился Январь-месяц.

— Ищи лета зимой! — говорит.

Махнул он широким рукавом, и поднялась в лесу метель от земли до неба — заволокла и деревья и полянку, на которой братья-месяцы сидели. Не видно стало за снегом и костра, а только слышно было, как свистит где-то огонь, потрескивает, полыхает.

Испугалась мачехина дочка.

— Перестань! — кричит.

Да где там!

Кружит её метель, глаза ей слепит, дух перехватывает. Свалилась она в сугроб, и замело её снегом.

А мачеха ждала-ждала свою дочку, в окошко смотрела, за дверь выбегала, — нет её, да и только. Закуталась она потеплее и пошла в лес. Да разве найдёшь кого-нибудь в чаще в такую метель и темень!

Ходила она, ходила, искала-искала, пока и сама не замёрзла.

Так и остались они обе в лесу лета ждать.

А падчерица долго на свете жила, большая выросла, замуж вышла и детей вырастила.

И был у неё, рассказывают, около дома сад — да такой чудесный, какого и свет не видывал. Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблоки и груши. В жару было там прохладно, в метель тихо.

— У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят! — говорили люди.
Кто знает — может, так оно и было.

4 КЛАСС

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Русская народная сказка

Был себе дед да баба, у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний завсегда был одет худо — в чёрной сорочке ходил. Прослышали они, что пришла от царя бумага: «кто состроит такой корабль, чтобы мог летать, за того выдаст замуж царевну». Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила

их в дорогу, надавала им белых паляниц¹, разного мясного и фляжку горелки и выпроводила в путь-дорогу. Увидя то, дурень начал и себе проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил: «Куда тебе, дурню; тебя волки съедят!» Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу чёрных паляниц и фляжку воды и выпроводила из дому.

Дурень шёл-шёл и повстречал старика. Поздоровались. Старик спрашивает дурня: «Куда идёшь?» — «Да царь обещал

¹ Паляница — хлеб.

отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль». — «Разве ты можешь сделать такой корабль?» — «Нет, не сумею!» — «Так зачем же ты идёшь?» — «А бог его знает!» — «Ну, если так, — сказал старик, — то садись здесь; отдохнём вместе и закусим; вынимай, что у тебя есть в торбе». — «Да тут такое, что и показать стыдно людям!» — «Ничего, вынимай; что бог дал — то и поснедаем!» Дурень развязал торбу — и глазам своим не верит: вместо чёрных паляниц лежат белые булки и разные приправы; подал старику. «Видишь, — сказал ему старик, — как бог дурней жалует! Хоть родная мать тебя и не любит, а вот и ты не обделён... Давай же выпьем наперёд горелки». Во фляжке наместо воды очутилась горелка; выпили, перекусили, и говорит старик дурню: «Слушай же — ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упали наземь ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети, куда надоб-

но; да по дороге забирай к себе всякого встречного».

Дурень поблагодарил старика, распрощался с ним и пошёл к лесу. Подошёл к первому дереву, сделал всё так, как ему велено: три раза перекрестился, тукнул по дереву секирою, упал на землю ничком и заснул. Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль; не стал долго думать, сел в него — и корабль полетел по воздуху.

Летел-летел, глядь — лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал. «Здоров, дядьку!» — «Здоров, небоже». — «Что ты делаешь?» — «Слушаю, что на том свете делается». — «Садись со мною на корабль». Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше. Летели-летели, глядь — идёт человек на одной ноге, а другая до уха привязана. «Здоров, дядьку! Что ты на одной ноге скачешь?» — «Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!» — «Садись с нами!» Тот сел, и опять полетели.

Летели-летели, глядь — стоит человек с ружьём, прицеливается, а во что — неведомо. «Здоров, дядьку! Куда ты метишь? Ни одной птицы не видно». — «Как же, стану я стрелять близко! Мне бы застрелить зверя или птицу верст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!» — «Садись же с нами!» Сел и этот, и полетели они дальше.

Летели-летели, глядь — несёт человек за спиною полон мех хлеба. «Здоров, дядь-

ку! Куда идёшь?» — «Иду, — говорит, — добывать хлеба на обед». — «Да у тебя и так полон мешок за спиною». — «Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего». — «Садись-ка с нами!» Обьедало сел на корабль, и полетели дальше. Летели-летели, глядь — ходит человек вокруг озера. «Здоров, дядьку! Чего ищешь?» — «Пить хочется, да воды не найду». — «Да перед тобой целое озеро; что ж ты не пьёшь?» — «Эка! Этой воды на один глоток мне не станет». — «Так садись с нами!» Он сел, и опять полетели.

Летели-летели, глядь — идёт человек в лес, а за плечами вязанка дров. «Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова несёшь?» — «Да это не простые дрова». — «А какие же?» — «Да такие: коли разбросить их, так вдруг целое войско явится». — «Садись с нами!» Сел он к ним, и полетели дальше.

Летели-летели, глядь — человек несёт куль соломы. «Здоров, дядьку! Куда несёшь солому?» — «В село». — «Разве в селе-то мало соломы?» — «Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросашь её — так зараз

холодно сделается: снег да мороз!» — «Садись и ты с нами!» — «Пожалуй!» Это была последняя встреча; скоро прилетели они до царского двора.

Царь на ту пору за обедом сидел: увидал летучий корабль, удивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошёл к кораблю, видит, что на нем всё мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь назад в покои, донёс царю, что на корабле нет ни одного пана, а всё чёрные люди. Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться. Вот и придумал: «Стану я ему задавать разные трудные задачи». Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед покончится, целующей и живущей воды.

В то время как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый встречный (тот самый, который слушал, что на том свете делается) услышал царские речи и рассказал дурню. «Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может

быть, и весь свой век не найду такой воды!» — «Не бойся, — сказал ему скороход, — я за тебя справлюсь». Пришёл слуга и объявил царский приказ. «Скажи: принесу!» — отозвался дурень; а товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал целующей и живущей воды: «Успею, — думает, — воротиться!» — присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет; засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал: «Экий! Спит себе под мельницей».

Стрелок схватил своё ружьё, выстрелил в мельницу и тем выстрелом разбудил скорохода; скороход побежал и в одну минуту принёс воду; царь ещё из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрый, так покажи своё удалство: съешь со своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печёного хлеба». Первый товарищ услышал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит: «Да я и одного хлеба за один раз не съем!» — «Не бойся, — отвечает Обьедало, — мне ещё мало будет!» Пришёл слу-

га, явил царский указ. «Хорошо, — сказал дурень, — давайте, будем есть». Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печёного; Обьедало один всё поел. «Эх, — говорит, — мало! Ещё б хоть немножко дали...» Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок вёдер. Первый товарищ дурня подслушал те царские речи и передал ему по-прежнему; тот испугался: «Да я и одного ведра не в силах за раз выпить». — «Не бойся, — говорит Опивало, — я один за всех выпью; ещё мало будет!» Налили вином сорок бочек; Опивало пришёл и без роздыху выпил все до одной; выпил и говорит: «Эх, маловато! Ещё б выпить».

После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велел натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся. Вот раскалили баню докрасна; пошёл дурень мыться, а за ним следом идёт мужик с соломою: подостлать-де надо. Заперли их обоих в бане; мужик разбросал солому — и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мёрзнуть; залез он на печку и там всю ночь пролежал. Утром отворили баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поёт. Доложили царю; тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня; думал-думал и приказал ему, чтобы целый полк войска поставил, а у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!»

Как узнал про то дурень, испугался и говорит: «Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз; а теперь, видно, ничего не поделаешь». — «Эх ты! — отозвался мужик с вязанкою дров. — А про меня разве

забыл? Вспомни, что я мастер на такую штуку, и не бойся!» Пришёл слуга, объявил дурню царский указ: «Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтраму целый полк войска». — «Добре, зрблю! Только если царь и после того станет отговариваться, то повоюю всё его царство и насильно возьму царевну». Ночью товарищ дурня вышел в поле, вынес вязанку дров и давай раскидывать в разные стороны — тотчас явилось несметное войско; и конное, и пешее, и с пушками. Утром увидал царь и в свой черёд испугался; поскорей послал к дурню дорогие уборы и платья, велел во дворец просить с царевной венчаться. Дурень нарядился в те дорогие уборы, сделался таким молодцом, что и сказать нельзя! Явился к царю, обвенчался с царевною, получил большое приданое и стал разумным и догадливым. Царь с царицею его полюбили, а царевна в нём души не чаяла.

М. Горький
ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА

Жил-был Иванушка-дурачок, собою красавец, а что ни сделает, всё у него смешно выходит — не так, как у людей.

Нанял его в работники один мужик, а сам с женой собрался в город; жена и говорит Иванушке:

— Останешься ты с детьми, гляди за ними, накорми их!

— А чем? — спрашивает Иванушка.

— Возьми воды, муки, картошки, по кроши да свари — будет похлёбка!

Мужик приказывает:

— Дверь стереги, чтобы дети в лес не убежали!

Уехал мужик с женой. Иванушка влез на полати, разбудил детей, стащил их на пол, сам сел сзади их и говорит:

— Ну, вот, я гляжу за вами!

Посидели дети некоторое время на полу — запросили есть. Иванушка втащил в избу кадку воды, насыпал в неё полмешка муки, меру картошки, разболтал всё коромыслом и думает вслух:

— А кого крошить надо?

Услыхали дети — испугались:

— Он, пожалуй, нас искрошит!

И тихонько убежали вон из избы.

Иванушка посмотрел вслед им, почесал затылок — соображает:

— Как же я теперь глядеть за ними буду? Да ещё дверь надо стеречь, чтобы она не убежала!

Заглянул в кадушку и говорит:

— Варись, похлёбка, а я пойду за детьми глядеть!

Снял дверь с петель, взвалил её на плечи себе и пошёл в лес. Вдруг на встречу ему Медведь шагает — удивился, рычит:

— Эй, ты зачем дерево в лес несёшь?

Рассказал ему Иванушка, что с ним случилось. Медведь сел на задние лапы и хохочет:

— Экой ты дурачок! Вот я тебя съем за это!

А Иванушка говорит:

— Ты лучше детей съешь, чтоб они в другой раз отца-матери слушались, в лес не бегали!

Медведь ещё сильнее смеётся, так и катается по земле со смеху.

— Никогда такого глупого не видал! Пойдём, я тебя жене своей покажу!

Повёл его к себе в берлогу. Иванушка идёт, дверью сосны задевает.

— Да брось ты её! — говорит Медведь.

— Нет, я своему слову верен; обещал стеречь, так уж устерегу!

Пришли в берлогу. Медведь говорит жене:

— Гляди, Маша, какого я тебе дурачка привёл! Смехота!

А Иванушка спрашивает Медведицу:

— Тётя, не видала ребятшек?

— Мои — дома, спят.

— Ну-ка покажи, не мои ли это?

Показала ему Медведица трёх медвежат; он говорит:

— Не эти, у меня двое было.

Тут и Медведица видит, что он глупенький, тоже смеётся:

— Да ведь у тебя человечьи дети были!

— Ну да, — сказал Иванушка, — разберёшь их, маленьких-то, какие чьи!

— Вот забавный! — удивилась Медведица и говорит мужу: — Михайло Потапыч, не станем его есть, пусть он у нас в работниках живёт!

— Ладно, — согласился Медведь, — он хоть и человек, да уж больно безобидный!

Дала Медведица Иванушке лукошко, приказывает:

— Поди-ка набери малины лесной — детишки проснутся, я их вкусеньким угощу!

— Ладно, это я могу! — сказал Иванушка. — А вы дверь постерегите!

Пошёл Иванушка в лесной малинник, набрал малины полное лукошко, сам досыта наелся, идёт назад к Медведям и поёт во всё горло:

— Эх, как неловки

Божие коровки!

То ли дело — муравьи

Или ящерицы!

Пришёл в берлогу, кричит:

— Вот она, малина!

Медвежата подбежали к лукошку, рычат, толкают друг друга, кувыркаются — очень рады!

А Иванушка, глядя на них, говорит:

— Эх-ма, жаль, что я не медведь, а то и у меня дети были бы!

Медведь с женой хохочут.

— Ой, батюшки мои! — рычит Медведь. — Да с ним жить нельзя — со смеху помрёшь!

— Вот что, — говорит Иванушка, — вы тут постерегите дверь, а я пойду ребятшек искать, не то хозяин задаст мне!

А Медведица просит мужа:

— Миша, ты бы помог ему!

— Надо помочь, — согласился Медведь, — уж очень он смешной!

Пошёл Медведь с Иванушкой лесными тропами. Идут, разговаривают по-приятельски.

— Ну и глупый же ты! — удивляется Медведь.

А Иванушка спрашивает его:

— А ты — умный?

— Я-то?

— Ну да!

— Не знаю.

— И я не знаю. Ты — злой?

— Нет, зачем?

— А по-моему — кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой. Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем!

— Ишь ты, как вывел! — удивился Медведь.

Вдруг — видят: сидят под кустом двое детей, уснули.

Медведь спрашивает:

— Это твои, что ли?

— Не знаю, — говорит Иванушка, — надо спросить. Мои есть хотели.

Разбудили детей, спрашивают:

— Хотите есть?

Те кричат:

— Давно хотим!

— Ну, — сказал Иванушка, — значит, это и есть мои! Теперь я поведу их в деревню, а ты дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мне некогда, мне ещё надобно похлёбку варить!

— Уж ладно! — сказал Медведь. — Принесу!

Идёт Иванушка сзади детей, смотрит за ними в землю, как ему приказано, а сам поёт:

— Эх, вот так чудеса!
Жуки ловят зайца,
Под кустом сидит лиса,
Очень удивляется!

Пришёл в избу, а уж хозяева из города воротились. Видят: посреди избы кадushка стоит, доверху водой налита, картошкой насыпана да мукой, детей нет, дверь тоже пропала, — сели они на лавку и плачут горько.

— О чём плачете? — спросил их Иванушка.

Тут увидели они детей, обрадовались,

обнимают их, а Иванушку спрашивают, показывая на его стряпню в кадке:

— Это чего ты наделал?

— Похлёбку!

— Да разве так надо?

— А я почём знаю — как?

— А дверь куда девалась?

— Сейчас её принесут — вот она!

Выглянули хозяева в окно, а по улице идёт Медведь, дверь тащит. Народ от него во все стороны бежит, на крыши лезут, на деревья. Собаки испугались — завязли со страху в плетнях под воротами; только один рыжий петух храбро стоит посреди улицы и кричит на Медведя:

— Кину в реку-у!..

Л. Н. Толстой
ЛЕВ И СОБАЧКА
(Быль)

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачон-

ку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хо-

зяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев оцетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, оцетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Белка прыгала с ветки на ветку и упала прямо на сонного волка. Волк вскочил и хотел её съесть. Белка стала просить: «Пусти меня». Волк сказал: «Хорошо, я пущу тебя, только ты скажи мне, отчего вы, белки, так веселы. Мне всегда скучно, а на вас смотришь, вы там вверху всё играете и прыгаете». Белка сказала: «Пусти меня прежде на дерево, а оттуда тебе скажу, а то я боюсь тебя». Волк пустил, а белка ушла на дерево и оттуда сказала: «Тебе оттого скучно, что ты зол. Тебе злость сердце жжёт. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не делаем».

И.А. Крылов

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.

«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нём винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись,
А кисти сочные, как яхонты, горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдёт,
Хоть видит око,
Да зуб неймёт.
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьёшь».

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна;
но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

* * *

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.

На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:

«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие пёрушки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели,

сестрица,

При красоте такой и петь ты мастерица, —

Ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещунына¹ с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло, —

¹ Вещу́нья — предсказательница.

И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Пряатель, дорогой, здоро́во!

Где ты был?» —

«В Кунсткамере¹, мой друг!

Часа там три ходил;

Всё видел, высмотрел; от удивленья,

Поверишь ли, не станет ни уменья

Пересказать тебе, ни сил.

Уж подлинно, что там чудес палата!

Куда на выдумки природа таровата²!

Каких зверей, каких там птиц я не видал!

Какие бабочки, букашки,

Козявки, мушки, таракашки!

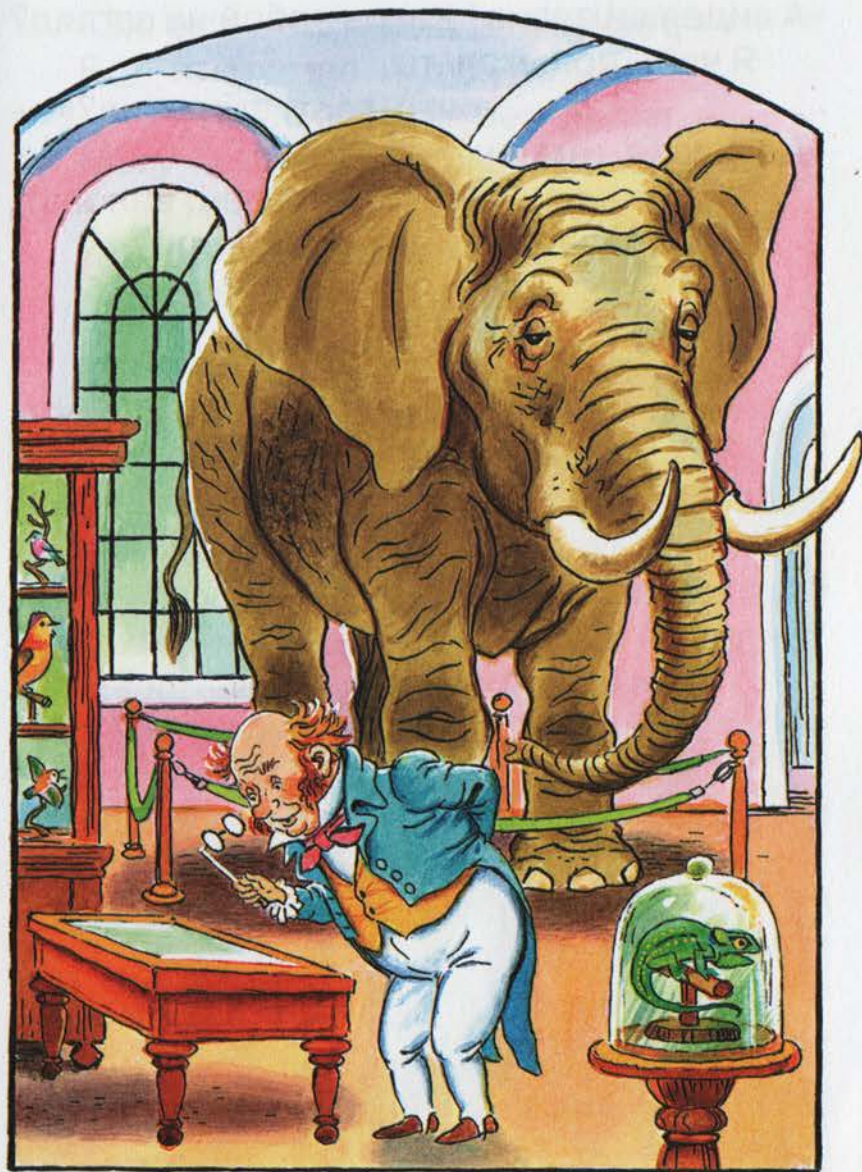
Одни как изумруд, другие как коралл!

Какие крохотны коровки!

Есть, право, менее булавочной головки!» —

¹ Кунстка́мера — в старину музей, собрание редкостей, диковинок.

² Тарова́та — богата, здесь: щедра.

«Ну, братец, виноват: Слона-то я и не приметил».

И лаю твоего совсем не примечает». —

² Дикóвинка — странная, удивительная вещь.

228

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.

* * *

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад,
а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них,
кто прав, — судить не нам;
Да только воз и ныне там.

МЫШЬ И КРЫСА

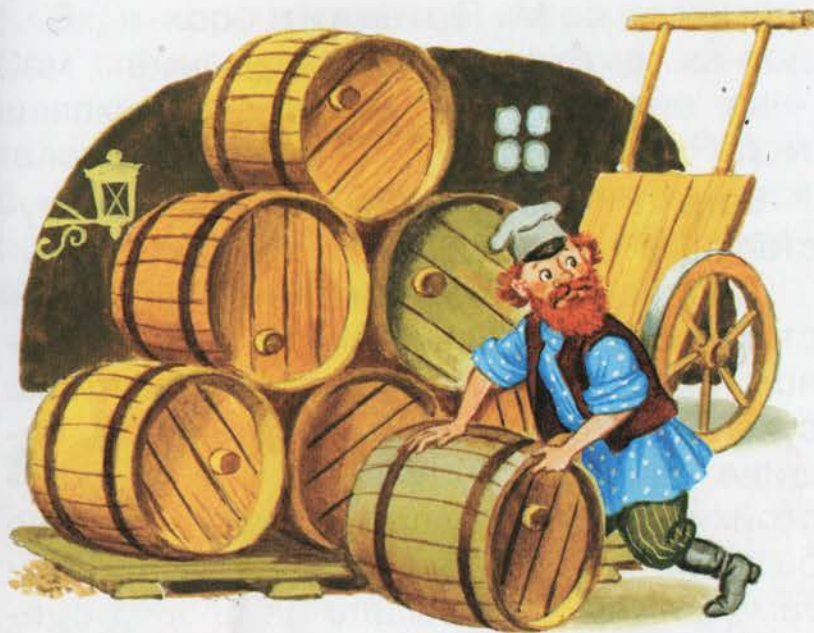
«Соседка, слышала ль ты добрую молву? —
Вбежавши, Крысе Мышь сказала, —
Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!» —
«Не радуйся, мой свет, —
Ей Крыса говорит в ответ, —
И не надейся по-пустому!
Коль до когтей у них дойдёт,
То верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

* * *

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

ДВЕ БОЧКИ

Две бочки ехали; одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая — себе без шуму и шажком
Плетётся,
Другая вскачь несётся;
От ней по мостовой и стукотня,
и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей
от страху жмётся,
Её заслышавши издалека.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так,
как в первой, велика.

* * *

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку,
Кто делов истинно¹, — тих часто на словах,
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепку думу
Без шуму.

¹ Кто делов истинно — кто по-настоящему деловит; умеет делать дело.

М. Пришвин
Из книги «Дорога к другу»

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Есть в осени первоначальной хрустальный¹ день. Вот он и теперь.

Тишина! Не шевелится ни один листок вверх, и только вниз на неслышном сквознячке трепещет на паутинке сухой листок. В этой хрустальной тишине деревья, и старые пни, и сухостойкие чудища ушли в себя, и их не было, но, когда я вышел на полянку, они заметили меня и вышли из своего оцепенения.

НЕДОСМОТРЕННЫЕ ГРИБЫ

Дует северный ветер, руки стынут на воздухе. А грибы всё растут: волнушки, маслята, рыжики, изредка всё ещё попадают и белые.

¹ Хрусталь — особый вид стекла. Изделия из хрусталя отличаются особенной прозрачностью, ярким блеском, красивым звоном.

Эх, и хорош попался вчера мухомор. Сам тёмно-красный, и спустил из-под шляпки вниз вдоль ножки белые панталоны¹, и даже со складочками. Рядом с ним сидит хорошенькая волнушка, вся подобранная, губки округлила, облизывается, мокренькая и умненькая...

Хватил мороз, но с неба откуда-то капает. На воде большие капли становятся пузырями и плывут вместе с убегающими туманами вниз по реке.

¹ Панталоны — нижнее бельё (брюки).

НАЧАЛО ОСЕНИ

Сегодня на рассвете одна пышная берёза выступила из леса на поляну, как в кринолине¹, и другая, робкая, худенькая, роняла лист за листком на тёмную ёлку. Вслед за этим, пока рассветало больше и больше, разные деревья мне стали показываться по-разному. Это всегда бывает в начале осени, когда после пышного и общего всем лета начинается большая перемена и деревья все по-разному начинают переживать листопад.

Я оглянулся вокруг себя. Вот кочка, расчёсанная лапками тетеревей. Раньше, бывало, непременно в ямке такой кочки находишь перышко тетерева или глухаря, и если оно рябое, то знаешь, что копалась самка, если чёрное — петух. Теперь в ямках расчёсанных кочек лежат не перышки птиц, а опавшие жёлтые листики. А то вот старая-престарая сыро-

¹Кринолин — широкая юбка в виде колокола, под которую надевали каркас из тонких обручей.

ежка, огромная, как тарелка, вся красная, и края от старости завернулись вверх, и в это блюдо налилась вода, и в блюде плавает жёлтый листик берёзы.

ПАРАШЮТ

В такой тишине, когда без кузнечиков в траве в своих собственных ушах пели кузнечики, с берёзы, затёртой высокими елями, слетел медленно вниз жёлтый листик. Он слетел в такой тишине, когда и осиновый листик не шевелился. Казалось, движение листика привлекло внимание всех, и все ели, берёзы и сосны со всеми листиками, сучками, хвоинками и даже кусты, даже трава под кустами дивились и спрашивали: «Как мог в такой тишине стронуться с места и двигаться листик?» И, повинувшись всеобщей просьбе узнать, сам ли собой сдвинулся листик, я пошёл к нему и узнал. Нет, не сам собой сдвинулся листик: это паук,

желая спуститься, отяжелил его и сделал своим парашютом: на этом листике опустился небольшой паучишко.

ПЕРВЫЙ МОРОЗ

Ночь прошла под большой чистой луной, и к утру лёг первый мороз. Всё было седое, но лужи не замерзали. Когда явилось солнце и разогрело, то деревья и травы обдались такой сильной росой, такими светящимися узорами глянули из тёмного леса ветки елей, что на эту отделку не хватило бы алмазов всей нашей земли.

Особенно хороша была сверкающая сверху донизу королева — сосна. Молодой собакой прыгала в груди моей радость.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Осень длится, как узкий путь с крутыми заворотами. То мороз, то дождь, и вдруг снег, как зимой, метель белая с воем, и опять солнце, опять тепло и зеленеет.

Вдали, в самом конце, берёзка стоит с золотыми листиками: как обмёрзла, так и осталась, и больше уже ветер с неё не может сорвать последних листов, — всё, что можно было, сорвал.

Самая поздняя осень — это когда от морозов рябина сморщится и станет, как говорят, «сладкой». В это время самая поздняя осень до того сходится близко с самой ранней весной, что по себе только и узнаёшь отличие дня осеннего и весеннего — осенью думается: «Вот переживу эту зиму и ещё одной весне обрадуюсь».

И. С. Тургенев

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачужав перед собой дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу. Я поспешил отозвать смущённого пса и удалился, благоговей¹.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

¹ Благоговеть — глубоко уважать.

К. Паустовский **КОТ-ВОРЮГА**

Мы пришли в отчаяние. Мы не знали, как поймать этого рыжего кота. Он обворовывал нас каждую ночь. Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел. Только через неделю удалось, наконец, установить, что у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста.

Это был кот, потерявший всякую совесть, кот — бродяга и бандит. Звали его за глаза Ворюгой.

Он воровал всё: рыбу, мясо, сметану и хлеб. Однажды он даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбежались куры и склевали весь наш запас червей.

Объевшиеся куры лежали на солнце и стонали. Мы ходили около них и ругались, но рыбная ловля всё равно была сорвана.

Почти месяц мы потратили на то, чтобы выследить рыжего кота.

Деревенские мальчишки помогали нам в этом. Однажды они примчались и, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронёсся, приседая, через огороды и протащил в зубах кукан¹ с окунями.

Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу кукана; на нём было десять жирных окуней, пойманных на Прорве.

Это было уже не воровство, а грабёж средь бела дня. Мы поклялись поймать кота и вздуть его за бандитские проделки.

¹ Кукан — бечёвка или палочка, на которую надевают пойманую рыбу.

Кот попался этим же вечером. Он украл со стола кусок ливерной колбасы и полез с ним на берёзу.

Мы начали трясти берёзу. Кот уронил колбасу, она упала на голову Рувиму. Кот смотрел на нас сверху дикими глазами и грозно выл.

Но спасения не было, и кот решился на отчаянный поступок. С ужасающим воем он сорвался с берёзы, упал на землю, подскочил, как футбольный мяч, и умчался под дом.

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном саду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его тёсовую крышу.

Дом был завален удочками, дробью, яблоками и сухими листьями. Мы в нём только ночевали. Все дни, от рассвета до темноты, мы проводили на берегах бесчисленных протоков и озёр. Там мы ловили рыбу и разводили костры в прибрежных зарослях.

Чтобы пройти к берегу озёр, приходилось вытаптывать узкие тропинки в душистых высоких травах. Их венчики ка-

чались над головами и осыпали плечи жёлтой цветочной пылью.

Возвращались мы вечером, исцарапанные шиповником, усталые, сожжённые солнцем, со связками серебристой рыбы, и каждый раз нас встречали рассказами о новых босяцких выходах рыжего кота.

Но, наконец, кот попался. Он залез под дом в единственный узкий лаз. Выхода оттуда не было.

Мы заложили лаз старой рыболовной сетью и начали ждать. Но кот не выходил. Он противно выл, как подземный дух, выл непрерывно и без всякого утомления.

Прошёл час, два, три... Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Тогда был вызван Лёнька, сын деревенского сапожника. Лёнька славился бесстрашием и ловкостью. Ему поручили вытащить из-под дома кота.

Лёнька взял шёлковую леску, привязал к ней за хвост пойманную днём плотицу и закинул её через лаз в подполье.

Вой прекратился. Мы услышали хруст и хищное щёлканье — кот вцепился зубами в рыбью голову. Он вцепился мёртвой хваткой. Лёнька потащил за леску. Кот отчаянно упирался, но Лёнька был сильнее, и, кроме того, кот не хотел выпускать вкусную рыбу.

Через минуту голова кота с зажатой в зубах плотицей показалась в отверстии лаза.

Лёнька схватил кота за шиворот и поднял над землёй. Мы впервые его рассмотрели как следует.

Кот зажмурил глаза и прижал уши. Хвост он на всякий случай подобрал под себя. Это оказался тощий, несмотря на постоянное воровство, огненно-рыжий кот-беспризорник с белыми подпалинами на животе.

Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил:

— Что же нам с ним делать?

— Выдрать! — сказал я.

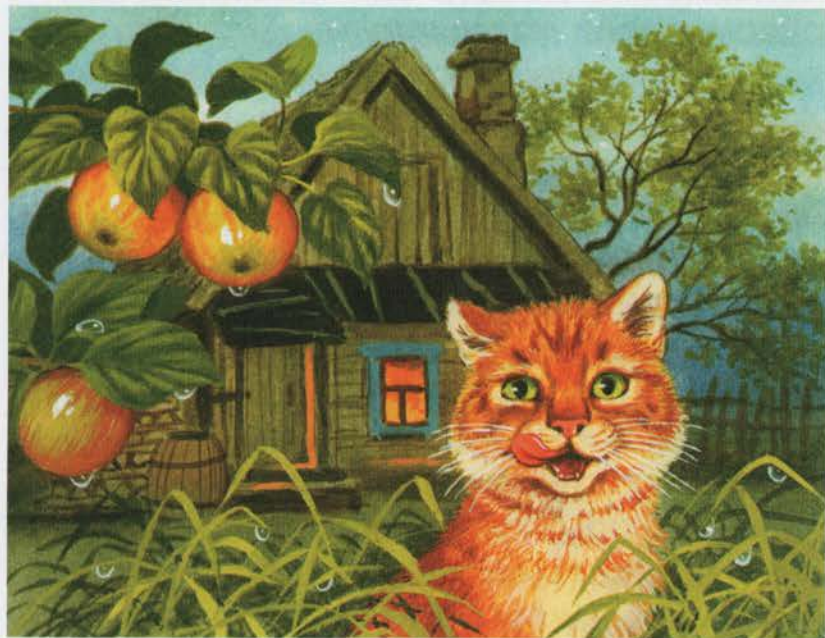
— Не поможет, — сказал Лёнька. — У него с детства характер такой. Попробуйте его накормить как следует.

Кот ждал, зажмурив глаза.

Мы последовали этому совету, втащили кота в чулан и дали ему замечательный ужин: жареную свинину, заливное из окуней, творожники и сметану.

Кот ел больше часа. Он вышел из чулана пошатываясь, сел на пороге и мылся, поглядывая на нас и на низкие звёзды зелёными нахальными глазами.

После умывания он долго фыркал и тёрся головой о пол. Это, очевидно,

должно было обозначать веселье. Мы боялись, что он протрёт себе шерсть на затылке.

Потом кот перевернулся на спину, поймал свой хвост, пожевал его, выплюнул, растянулся у печки и мирно захрапел.

С этого дня он у нас прижился и перестал воровать.

На следующее утро он даже совершил благородный и неожиданный поступок.

Куры влезли на стол в саду и, толкая друг друга и переругиваясь, начали склёвывать из тарелок гречневую кашу.

Кот, дрожа от негодования, прокрался к курам и с коротким победным криком прыгнул на стол.

Куры взлетели с отчаянным воплем. Они перевернули кувшин с молоком и бросились, теряя перья, удирать из сада.

Впереди мчался, икая, голенастый петух-дурак, прозванный Горлачом.

Кот нёсся за ним на трёх лапах, а четвертой, передней лапой бил петуха по спине. От петуха летели пыль и пух. Внутри его от каждого удара что-то бухало

и гудело, будто кот бил по резиновому мячу.

После этого петух несколько минут лежал в припадке, закатив глаза, и тихо стонал. Его облили холодной водой, и он отошёл.

С тех пор куры опасались воровать. Увидев кота, они с писком и толкотней прятались под домом.

Кот ходил по дому и саду, как хозяин и сторож. Он тёрся головой о наши ноги. Он требовал благодарности, оставляя на наших брюках клочья рыжей шерсти.

Мы переименовали его из Ворюги в Милиционера. Хотя Рувим и утверждал, что это не совсем удобно, но мы были уверены, что милиционеры не будут на нас за это в обиде.

Х. К. Андерсен

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков. Все они были сыновьями одной матери — старой оловянной ложки — и, значит, приходились друг другу родными братьями. Они были очень красивы: ружьё на плече, грудь колесом, мундир красный с синим. Чудо что за солдатики!

Они лежали, все двадцать пять, в картонной коробке. В ней было темно и тесно. Но вот однажды коробка открылась.

— Ах, оловянные солдатики! — закричал маленький мальчик и от радости захлопал в ладоши.

Ему подарили оловянных солдатиков в день его рождения.

Мальчик сейчас же принялся расставлять оловянных солдатиков на столе. Двадцать четыре солдата были совершенно одинаковые, а двадцать пятый солдатик был одноногий. Его отливали последним, и олова немножко не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял

так же твёрдо, как другие на двух. Вот с этим-то одноногим солдатиком и произошла замечательная история, которую я вам сейчас расскажу.

На столе, где мальчик расставил своих солдатиков, было много разных игрушек. Но лучше всех игрушек был чудесный картонный дворец. Сквозь его маленькие окна были видны все комнаты. Перед самым дворцом лежало зеркальце. Оно было совсем как настоящее озеро, и вокруг этого зеркального озера на деревянных подставках стояли маленькие зелёные деревья. По озеру плавали восковые лебеди и, выгнув длинные шеи, любовались своим отражением.

Всё это было прекрасно, но всего милее была девушка, стоявшая на пороге в широко раскрытых дверях дворца. Она была тоже вырезана из картона; на ней была юбочка из тонкого батиста, на плече — голубой шарф и на груди — блестящая брошка, такая большая, как голова самой девушки. Красавица стояла на одной ножке, вытянув руки, — она была танцовщицей. Другую ногу она подняла так

высоко, что наш оловянный солдатик совсем не заметил этой ноги и подумал, что красавица тоже одноногая, как и он сам.

«Вот бы мне такую жену! — подумал оловянный солдатик. — Да только она, наверно, знатного рода. Вон в каком прекрасном дворце живёт. А мой дом — простая коробка, да ещё набито нас в эту коробку целых двадцать пять солдат. Нет, ей там не место! Но познакомиться с ней всё же не мешает».

И солдатик притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе. Отсюда

он отлично видел прелестную танцовщицу.

Поздно вечером всех оловянных солдатиков, кроме одного, — его так и не могли найти — уложили в коробку, и все люди в доме легли спать. И вот, когда наступила тишина, игрушки сами стали играть в гости, в войну, а потом устроили бал. Оловянные солдатики стучали в стенки коробки — они тоже хотели выйти поиграть, да никак не могли приподнять крышку. Даже щелкунчик принялся кувыркаться, а грифель пошёл плясать по грифельной доске. Поднялся такой шум и гам, что в клетке проснулась канарейка и тоже заговорила, да притом ещё стихами.

Только солдатик и танцовщица не двинулись с места. Она по-прежнему стояла на одной ножке, вытянув руки вперёд, а он застыл с ружьём в руках, как часовой, и не сводил глаз с красавицы.

Пробило двенадцать. И вдруг — щёлк! — раскрылась табакерка.

В этой табакерке табак никогда не держали, а сидел в ней маленький чер-

тёнок. Он выскочил из табакерки и оглянулся кругом.

— Эй, оловянный солдатик! — крикнул чертёнок. — Чего ты уставился на плясунью? Она слишком хороша для тебя.

Но оловянный солдатик притворился, будто ничего не слышит.

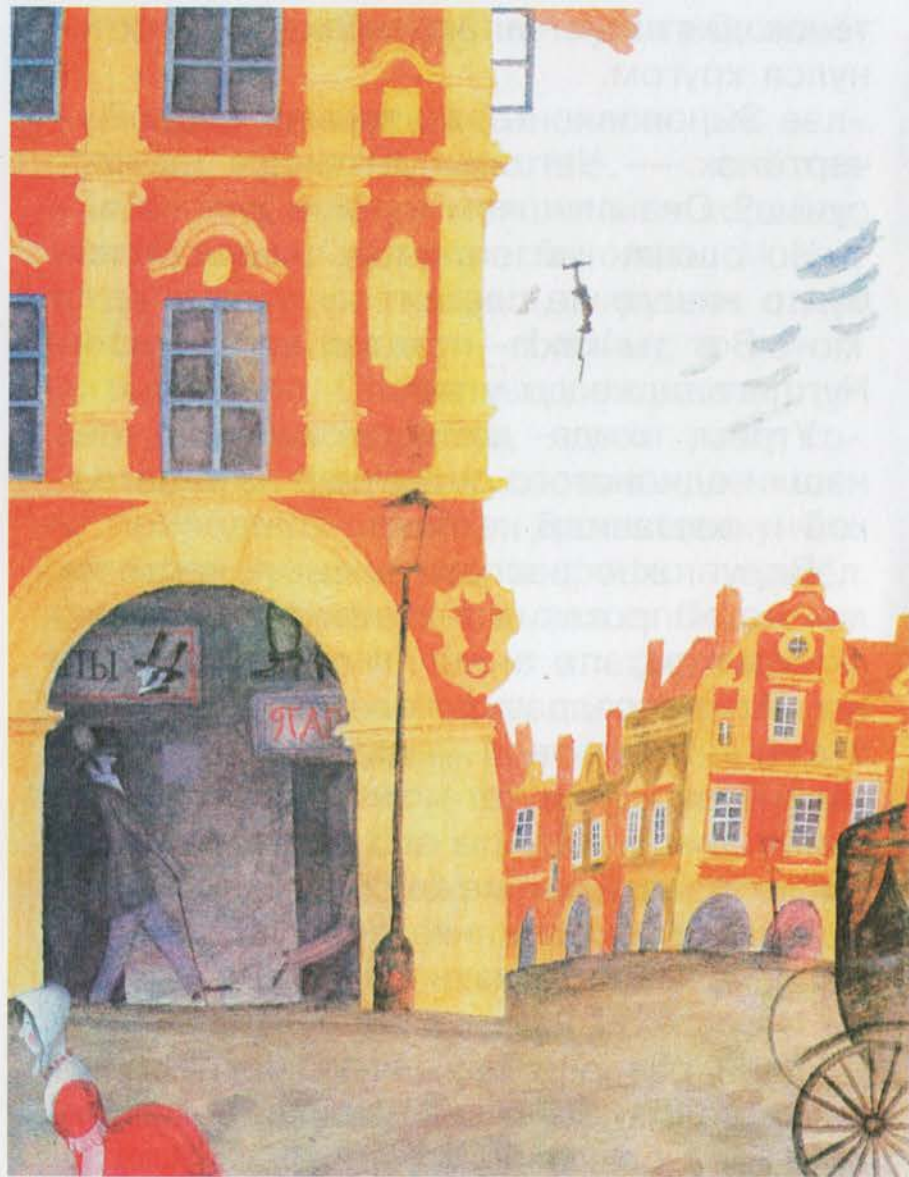
— Вот ты как! — сказал чертёнок. — Ну, погоди же до утра!

Утром, когда дети проснулись, они нашли одного солдата за табакеркой и поставили на окно.

Вдруг окно распахнулось — чертёнок ли это напроказил или просто потянуло сквозняком, кто знает? Но только одного наш солдатик полетел с третьего этажа вниз головой — да так, что в ушах засвистело. Минута — и он уже стоял на улице вверх ногой, а его ружьё и голова в каске застряли между булыжниками.

Мальчик и служанка сейчас же бежали на улицу искать солдатика, но как ни старались, найти его не могли.

Один раз они даже чуть не наступили на солдатика и всё-таки не заметили его. Если бы солдатик крикнул: «Я тут!»,

они, конечно, сейчас же нашли бы его. Но он считал неприличным кричать на улице — ведь он был солдат и носил мундир.

Тут пошёл дождь, настоящий ливень. По улице потекли ручьи. А когда наконец дождь кончился, к тому месту, где между булыжниками торчал оловянный солдатик, прибежали двое мальчишек.

— Эге! — сказал один из них. — Смотри — оловянный солдатик! Давай-ка отправим его в плавание!

И они сделали из старой газеты лодочку, посадили в неё оловянного солдатика и пустили в канавку. Лодочка поплыла, а мальчики побежали рядом и захлопали в ладоши.

Лодочку подхватило быстрым течением и понесло. Вода в канаве так и бурлила. Ещё бы ей не бурлить после такого ливня!

Оловянный солдатик в лодочке весь дрожал, но держался стойко, как полагается настоящему солдату: ружьё на плече, голова прямо, грудь вперёд!

И вот лодочку занесло под широкий-широкий мост; стало так темно, точно солдатик опять попал в свою коробку.

«Куда меня несёт? — думал он. — Это всё проделки гадкого чертёнка из табакерки. Ах, если бы со мною в лодке сидела красавица-плясунья, я ничего бы не боялся, даже если бы стало ещё темнее!»

В эту минуту из-под моста выскочила большая водяная крыса.

— Это кто такой? — закричала она. — А паспорт у тебя есть? Давай сейчас же паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и крепко сжимал ружьё. Лодку его несло всё дальше и дальше, а крыса плыла за ним вдогонку. Она свирепо щёлкала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

— Держите, держите его! У него нет паспорта!

Тут лодочку понесло ещё быстрее, и оловянный солдатик наконец увидел впереди свет. Мост кончился. Но в эту минуту послышался такой страшный грохот, от которого задрожал бы любой

храбрец. Подумать только! За мостом канавка впадала прямо в большой бурный канал. По таким волнам солдатику в маленьком бумажном кораблике плыть было так же опасно, как нам в настоящей лодке нестись к большому водопаду. Остановиться было уже невозможно. Лодку с оловянным солдатиком вынесло в большой канал. Но солдатик по-прежнему держался молодцом и даже глазом не сморгнул.

Лодочка завертелась на месте, два-три раза зачерпнула воды и скоро наполнилась водой до краёв. Вот солдатик уже по пояс в воде, вот уже по горло. И наконец вода накрыла его с головой.

С грустью подумал солдатик о своей красавице. Не видать ему больше милой плясуньи! В последнюю минуту вспомнил он солдатскую песню:

Шагай вперёд, всегда вперёд!

Тебя за гробом слава ждёт!

И он приготовился с честью погибнуть в страшной пучине.

Но его подстерегала другая беда.

Из воды вынырнула большая рыба и мигом проглотила солдатику.

О, как темно и тесно было в желудке у рыбы! Темнее, чем под мостом, теснее, чем в коробке. Но оловянный солдатик и тут держался стойко. Он вытянулся во весь рост и ещё крепче сжал своё ружьё. Так он пролежал довольно долго. Вдруг рыба заметалась во все стороны, стала нырять, извиваться, прыгать и наконец замерла.

Опять прошло немало времени. Солдатик соскучился и задремал.

Проснулся он оттого, что над ним, как молния, сверкнул острый нож. Стало совсем светло, и кто-то закричал:

— Вот так штука! Оловянный солдатик!

А дело было так: рыбу поймали, свезли на рынок, а потом она попала на кухню. Кухарка распоролла ей брюхо большим ножом и вдруг увидела оловянного солдатику. Она взяла солдатику двумя пальцами поперёк живота и понесла в комнату.

Весь дом сбежался посмотреть на замечательного путешественника. Солда-

тика поставили на стол, и вдруг — каких только чудес не бывает на свете! — он увидел ту же комнату, того же мальчика, то же самое окно, из которого недавно вылетел. Вокруг были те же игрушки, а среди них гордо возвышался чудесный картонный дворец, и на пороге стояла красавица-танцовщица. Она стояла по-прежнему на одной ножке, высоко подняв другую. Вот это стойкость!

Оловянный солдатик так растрогался, что из глаз у него чуть не покатились оловянные слёзы, но он вовремя вспомнил, что солдату плакать не полагается. Не мигая смотрел он на танцовщицу, она смотрела на него, и оба молчали.

Вдруг один из мальчиков схватил оловянного солдатика и ни с того, ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверно, его подучил злой чертёнок из табакерки. В печке ярко пылали дрова, и оловянному солдатiku стало ужасно жарко — от огня или от любви, он и сам не знал. Краски с него совсем сошли, он весь полинял — может быть, от огорчения, а может быть, оттого, что побывал в воде

и в желудке рыбы. Но и тут он держался прямо, сжимал своё ружьё и не сводил глаз с прекрасной плясуньи, а плясунья смотрела на него. И вдруг солдатик почувствовал, что он тает в огне.

В эту минуту дверь в комнате распахнулась, сквозной ветер подхватил прекрасную танцовщицу, и она, как бабочка, порхнула в печку прямо к солдатику. Пламя охватило её, она вспыхнула — и конец. Тут уж и оловянный солдатик совсем расплавился.

На другой день служанка стала выгребать из печки золу и нашла маленький комочек олова, похожий на сердечко, да обгорелую, чёрную, как уголь, брошку. Это было всё, что осталось от стойкого оловянного солдатика и его прекрасной плясуньи.

Р. Э. Распэ
Из книги
«Приключения барона Мюнхгаузена»

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОЛЕНЬ

Впрочем, со мной случались чудеса и почище.

Иду я как-то по лесу и угощаюсь сладкими, сочными вишнями, которые купил по дороге.

И вдруг прямо передо мною — олень! Стройный, красивый, с огромными ветвистыми рогами!

А у меня, как назло, ни одной пули!

Олень стоит и преспокойно глядит на меня, словно знает, что у меня ружьё не заряжено.

К счастью, у меня осталось ещё несколько вишен, и я зарядил ружьё вместо пули вишнёвой косточкой. Да, да, не смейтесь, обыкновенной косточкой.

Раздался выстрел, но олень только головой помотал. Косточка попала ему в лоб и не причинила никакого вреда. В одно мгновение он скрылся в лесной чаще.

Я очень жалел, что упустил такого прекрасного зверя.

Год спустя я снова охотился в том же лесу. Конечно, к тому времени я совсем позабыл об истории с вишнёвой косточкой.

Каково же было моё изумление, когда из чащи леса прямо на меня выпрыгнул великолепный олень, у которого между рогами росло высокое, развесистое вишнёвое дерево! Ах, поверьте, это было очень красиво: стройный олень и на голове у него — стройное дерево! Я сразу догадался, что это дерево выросло из той маленькой косточки, которая в прошлом году послужила мне пулей. На этот раз у меня не было недостатка в зарядах.

Я прицелился, выстрелил, и олень за-
мертво грохнулся на землю. Таким образом, с одного выстрела я сразу получил и жаркое, и вишнёвый компот, потому что дерево было покрыто крупными, спелыми вишнями.

Должен сознаться, что более вкусных вишен я не пробовал за всю свою жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

1 КЛАСС

✓ СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА Русская народная сказка в пересказе А.Н. Толстого Рис. Ю. Кравеца и Г. Кравец.	7
Л.Н. Толстой ТРИ МЕДВЕДЯ Рис. С. Бордюга и Н. Трепенюк.	17
В. Бианки. Рис. И. Цыганкова КТО ЧЕМ ПОЁТ	25
ХИТРЫЙ ЛИС И УМНАЯ УТОЧКА.	32
Н. Сладков. Рис. И. Цыганкова КАК МЕДВЕДЬ САМ СЕБЯ НАПУГАЛ.	36
ТРОЕ НА ОДНОМ БРЕВНЕ	38
✓ К. Д. Ушинский. Рис. А. Аземши ГУСЬ И ЖУРАВЛЬ.	42
ЛАСТОЧКА.	43
ДЯТЕЛ	44

ОРЁЛ.....	45
ЛИСА ПАТРИКЕЕВНА.....	46
С. Маршак	
ПРО ВСЁ НА СВЕТЕ	
Азбука в стихах и картинках	
Рис. С. Бордюга и Н. Трепенюк.....	48
✓ ВЕСЁЛЫЙ СЧЁТ. От одного до десяти	
Рис. Е. Запесочной.....	59
ДВА КОТА	
Рис. С. Бордюга и Н. Трепенюк.....	64

2 КЛАСС

ГУСИ-ЛЕБЕДИ	
Русская народная сказка	
в пересказе Л. Елисеевой	
Рис. А. Савченко.....	67
В.И. Даль	
ДЕВОЧКА-СНЕГУРОЧКА	
Рис. С. Бордюга и Н. Трепенюк.....	81
Шарль Перро	
КРАСНАЯ ШАПОЧКА	
Пересказ Л. Елисеевой	
Рис. А. Савченко.....	91
В. Бианки	
ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРАВЬИШКИ	
Рис. С. Бордюга и Н. Трепенюк.....	98

Дж. Харрис	
Свободный пересказ М. Гершензона	
Рис. И. Костриной	
СМОЛЯНОЕ ЧУЧЕЛКО.....	114
КАК БРАТЕЦ КРОЛИК ПЕРЕХИТРИЛ	
БРАТЦА ЛИСА.....	117

3 КЛАСС

СИВКА-БУРКА ✕	
Русская народная сказка	
в обработке К.Д. Ушинского	
Рис. Ю. Кравеца и Г. Кравец.....	123
А.С. Пушкин	
СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ	
Рис. М. Майофиса	141
С. Маршак	
СТАРУХА, ДВЕРЬ ЗАКРОЙ!	
Народная сказка. Рис. В. Перцова	156
Борис Заходер	
ПЕРЕМЕНА	
Рис. С. Острова	160
С. Маршак	
ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ	
Словацкая сказка. Рис. А. Сазонова.....	163

4 КЛАСС

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ ✓ Русская народная сказка в пересказе А. Н. Афанасьева <i>Рис. М. Митрофанова</i>	191
М. Горький ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА <i>Рис. Т. Зебровой</i>	204
Л.Н. Толстой. <i>Рис. А. Аземши</i> ЛЕВ И СОБАЧКА (<i>Быль</i>)	217
«БЕЛКА ПРЫГАЛА С ВЕТКИ НА ВЕТКУ...»	220
И.А. Крылов. <i>Рис. С. Бордюга и Н. Трепенок</i> СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ	221
ЛИСИЦА И ВИНОГРАД	222
ВОРОНА И ЛИСИЦА	224
ЛЮБОПЫТНЫЙ	226
СЛОН И МОСЬКА	228
ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК	230
МЫШЬ И КРЫСА	231
ДВЕ БОЧКИ	232
М. Пришвин <i>Рис. С. Бордюга и Н. Трепенок</i> Из книги «Дорога к другу» ХРУСТАЛЬНЫЙ ДЕНЬ	234

НЕДОСМОТРЕННЫЕ ГРИБЫ	234
Из книги «Лесная капель» НАЧАЛО ОСЕНИ	236
ПАРАШЮТ	238
ПЕРВЫЙ МОРОЗ	239
ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ	239
И.С. Тургенев ВОРОБЕЙ <i>Рис. Ю. Николаева</i>	241
К. Паустовский КОТ-ВОРЮГА <i>Рис. С. Бордюга и Н. Трепенок</i>	243
Х. К. Андерсен СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК Перевод с датского А. Ганзен <i>Рис. Е. Моница</i>	251
Р. Э. Распэ Из книги «Приключения барона Мюнхгаузена» НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОЛЕНЬ Пересказ К. И. Чуковского <i>Рис. А. Шевченко</i>	264

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

Коллектив авторов
БОЛЬШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ
для 1—4 классов

Коллектив художников

Редактор *Н. Гусарова*
Художественный редактор *М. Салтыков*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Корректор *И. Мокина*
Компьютерная верстка *Н. Сидорской*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 19.05.2013. Формат 60×84¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,00. Тираж 4000 экз. Заказ № 3105М

ООО «Издательство АСТ»

127006, г. Москва, ул. Садовая-Триумфальная, д. 16, стр. 3, пом. 1, ком. 3

Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Типография ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна д. 25

«МАЛЫШ»

Думаешь, читать книги
по школьной программе скучно и трудно?
Эта замечательная хрестоматия
поможет тебе найти все сказки,
рассказы и стихи, заданные учителем,
а ещё узнать и полюбить лесных жителей
из рассказов Виталия Бианки,
хитрого и находчивого барона Мюнхгаузена
из книги известного
немецкого писателя Р.Э. Распэ,
весёлого Братца Кролика,
придуманного Дж. Харрисом,
и многих-многих других
интересных персонажей.

www.ast.ru

12

14.10.2012

Библиотечная хрестоматия для 4-5 классов

9785170300131

Цена 333 руб.

14.10.2012

Номер
1922088
Код
2378405
ТБК
11-303